

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск IX

Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв.

ЧАСТЬ III

Санкт-Петербург
2020

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2020. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. III. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_9>

© www.milhist.info

© Бабенко А.А.

© Комаров О.В.

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)44
УДК 94(47).042

Бабенко А.А., Комаров О.В. Московская «литва» в битве при Орше 1514 г.

Тема выходцев из Великого княжества Литовского и их потомков в Русском государстве в историографии широко представлена через освещение судеб отдельных личностей. В данной статье производится обобщение сведений об этих представителях служилых людей, основанное на исследовании списков пленных Оршанской битвы и последующих столкновений. В статье также задается вопрос, как формирование облика «другого» в общественном сознании России и Литвы соотносилось с явлением выходцев.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское, Оршанская битва, Смоленская война, генеалогия, служилая литва.

Авторы: Бабенко Алексей Анатольевич. Образование высшее. Основная сфера интересов – история и генеалогия русского служилого сословия в Средние Века. Электронная почта: alexios@bk.ru

Комаров Олег Владимирович. Образование высшее. С 2010 года активный участник Проблемного совета при Государственном Историческом Музее. Основная сфера интересов – военная история Русского государства и его соседей. Электронная почта: oleggg888@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Зимин А.А. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году // Советские архивы. — 1970. — № 5.

Бенцианов М.М. «Литвины» и «паны». Выходцы из великого княжества Литовского на московской службе в XV-XVI столетиях // Studia Historica Europae Orientalis - Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. — 2019. — Вып. 12.

Пономарева И. Г. История одного выезда на московскую службу (о предках Чаадаевых) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2005. — № 4.

Кабанов А.Ю. Заметки о дворянском роде Пивовых // Археографический ежегодник за 2012 год. — М., 2016.

Кабанов А.Ю. Дворяне Судимонтовы (Судимантовы) на московской службе // Бурылинский альманах. — 2016. — № 2 (6).

Ерусалимский К.Ю. "Мы хотели их казнити...": Русские эмигранты в Речи Посполитой // Родина. — 2004. — № 12.

Ерусалимский К.Ю. Потомки А.М. Курбского // Ad fontem. — М., 2005.

Ерусалимский К.Ю. Московский боярич, литовский староста, королевский слуга: европейская карьера В.С. Заболоцкого // Российская история. — 2011. — № 4.

Ерусалимский К.Ю. Московско-литовская война 1562-1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики // Российская история. — № 1. — 2017.

Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7.

Флоря Б.Н. Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. — М., 1978.

Верея, Волоколамск, Дмитров и Звенигород // Шумаков С.А. Обзор "Грамот коллегии экономии". — М., 1912. — Вып. 3.

Бенцианов М.М., Лобин А.Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2013. — № 2 (Июль-декабрь).

Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: Первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. — М.;Варшава, 2002. — Т. 6.

Антонов А.В. Костромские монастыри в документах XVI– начала XVII века // Русский дипломатарий. — М., 2001. — Вып. 7.

Антонов А.В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // Русский дипломатарий. — М., 1998. — Вып. 3.

Комаров О.В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. и документальные источники [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VII. — С. 392-460. <http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1> (03.02.2016).

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2020/11/29/babenko_komarov

Ссылка для печатных изданий:

Бабенко А.А., Комаров О.В. Московская «литва» в битве при Орше 1514 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2020. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. III. — С. 262-332 <http://www.milhist.info/2020/11/29/babenko_komarov> (29.11.2020).

Babenko A.A., Komarov O.V. The Muscovite "Lithuania" in the battle of Orsha in 1514

The topic of immigrants from the Grand Duchy of Lithuania and their descendants in the Russian Tsardom is widely represented in historiography through the coverage of the fate of individuals. This article summarizes information about these representatives of service people, based on a study of the lists of prisoners of the Orsha battle and subsequent clashes. The article also asks the question of how the formation of the image of the "other" in the public consciousness of Russia and Lithuania correlated with the phenomenon of immigrants.

Key words: Grand Duchy of Lithuania, Grand Duchy of Moscow, Battle of Orsha, Smolensk war, genealogy, Service Lithuanians.

The authors: Babenko Alexey Anatolyevich. He has higher education. His main area of interest is the history and genealogy of the Russian service class in the Middle Ages. Email: alexios@bk.ru

Komarov Oleg Vladimirovich. He has higher education. Since 2010, he has been an active member of the Problem Council at the State Historical Museum. His main area of interest is the military history of the Russian state and its neighbours.

Email: olegg888@yandex.ru

References:

Zimin A.A. Novoe o vosstanii Mihaila Glinskogo v 1508 godu [New information about the uprising of Mikhail Glinsky in 1508] // Sovetskie arhivy. — 1970. — № 5.

Bencianov M.M. «Litviny» i «pany». Vyhodcy iz velikogo knjazhestva Litovskogo na moskovskoj sluzhbe v XV-XVI stoletijah ["Litvins" and "pany". Natives of the Grand Duchy of Lithuania in the Moscow service in the XV-XVI centuries] // Studia Historica Europae Orientalis - Issledovanija po istorii Vostochnoj Evropy: nauch. sb. — 2019. — Vyp. 12.

Ponomareva I. G. Istorija odnogo vyezda na moskovskuju sluzhbu (o predkah Chaadaevyh) [History of a trip to the Moscow service (about the ancestors of the Chaadaevs)] // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. — 2005. — № 4.

Kabanov A.Ju. Zametki o dvorjanskom rode Pivovyh [Notes on the noble family of the Pivovs] // Arheograficeskij ezhegodnik za 2012 god. — M., 2016.

Kabanov A.Ju. Dvorjane Sudimontovy (Sudimantovy) na moskovskoj sluzhbe [Nobles Sudimontovy (Sudimantovy) on the Moscow service] // Burylinskij al'manah. — 2016. — № 2 (6).

Erusalimskij K.Ju. "My hoteli ih kazniti...": Russkie jemigranty v Rechi Pospolitoj ["We wanted to execute them...": Russian emigrants in the Polish-Lithuanian Commonwealth] // Rodina. — 2004. — № 12.

Erusalimskij K.Ju. Potomki A.M. Kurbskogo [The Descendants of A. M. Kurbsky] // Ad fontem. — M., 2005.

Erusalimskij K.Ju. Moskovskij bojarich, litovskij starosta, korolevskij sluga: evropejskaja kar'era V.S. Zabolockogo [Moscow boyar, Lithuanian headman, Royal servant: the European career of V. S. Zabolotsky] // Rossijskaja istorija. — 2011. — № 4.

Erusalimskij K.Ju. Moskovsko-litovskaja vojna 1562-1566 gg. i vvedenie oprichniny: problemy demografii i zemel'noj politiki [The Moscow-Lithuanian war of 1562-1566 and the introduction of the oprichnina: problems of demography and land policy] // Rossijskaja istorija. — № 1. — 2017.

Antonov A.V., Krom M.M. Spiski russkih plennyh v Litve pervoj poloviny XVI veka [Russian Russian prisoners of war in Lithuania in the first half of the XVI century] // Arhiv russoj istorii. — M., 2002. — Vyp. 7.

Florja B.N. Velikoe knjazhestvo Litovskoe i Rjazanskaja zemlja v XV v. [the Grand Duchy of Lithuania and the Ryazan land in the XV century] // Slavjane v jepohu feodalizma. — M., 1978.

Vereja, Volokolamsk, Dmitrov i Zvenigorod [Vereya, Volokolamsk, Dmitrov and Zvenigorod] // Shumakov S.A. Obzor "Gramot kollegii jekonomii". — M., 1912. — Vyp. 3.

Bencianov M.M., Lobin A.N. K voprosu o strukture ruskoj armii v bitve pri Orshe [On the structure of the Russian army in the battle of Orsha] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2013. — № 2 (Ijul'-dekabr').

Radzivillovskie akty iz sobranija Rossijskoj nacional'noj biblioteki: Pervaja polovina XVI v. [Radziwill acts from the collection of the Russian national library: the First half of the XVI century] // Pamjatniki istorii Vostochnoj Evropy. Istochniki XV-XVII vv. — M.; Varshava, 2002. — T. 6.

Antonov A.V. Kostromskie monastyri v dokumentah XVI – nachala XVII veka [Kostroma monasteries in documents of the XVI-early XVII century] // Russkij diplomatarij. — M., 2001. — Vyp. 7.

Antonov A.V. Iz istorii velikoknjazheskoj kanceljarii: kormlennye gramoty XV – serediny XVI veka [From the history of the Grand Ducal Chancery: the letters of the XV – mid-XVI century] // Russkij diplomatarij. — M., 1998. — Vyp. 3.

Komarov O. Primary sources for studying the arms and armor of the Muscovy feudal army in the XVI century [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2016. — Vol. VII. — P. 392-460. <http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1> (03.02.2016).

Internet link:

http://www.milhist.info/2020/11/29/babenko_komarov

Reference:

Babenko A.A., Komarov O.V. The Muscovite "Lithuania" in the battle of Orsha in 1514 [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2020. — Special edition IX. Foreigners in the Russian military service in the XV-XIX centuries. — Vol. III. — P. 262-332 <http://www.milhist.info/2020/11/29/babenko_komarov> (29.11.2020).

А.А. Бабенко, О.В. Комаров.

МОСКОВСКАЯ
«ЛИТВА»
В БИТВЕ
ПРИ ОРШЕ
1514 г.

Московско-литовские отношения имеют давнюю и многостороннюю историю. Как и отношения ВКЛ с Новгородом, Псковом, Тверью, Рязанью и прочими землями, находившимися в сфере влияния Великого княжества Владимирского. Имели место многочисленные московско-литовские войны и конфликты, отмеченные в летописях со второй четверти XIV в. (не считая литовских набегов XIII в.). Одновременно присутствовали тесные династические связи: от женитьбы московского князя Симеона Гордого на Айгусте, дочери Гедимина (1333 г.), до союза великого литовского князя Александра Казимировича с Еленой, дочерью Ивана III (1495 г.). Литовско-тверские династические контакты начались ещё раньше (в 1320 г. великий князь тверской и владимирский Дмитрий женился на Марии Гедиминовне); во второй половине XIV — первой половине XV вв. существовал и реально действующий литовско-тверской военный союз, и литовско-тверские столкновения. Брачные контакты и вооруженные конфликты с Литвой были и у Рязанского княжества. Литовские выходцы с XIII в. периодически приглашались на княженье в Псков, а затем и Новгород; неоднократно случались войны и конфликты ВКЛ с Новгородом и Псковом. Начавшаяся ещё в XIII в. борьба между Литвой и ВКВ за земли княжеств Смоленского и Брянского (Черниговского) приводила к постоянным существенным изменениям границы вплоть до конца XVII в. (с соответствующей сменой подданства у массы населения). Всё это происходило на фоне установления религиозных, культурных, торговых и прочих контактов, книжной традиции понимания Руси как некой общности, общих корней правовой системы.

В конце XVII в. при подаче родословных в Палату родословных дел Разрядного приказа значительное число русских дворянских родов в своих родословных росписях указало на происхождение своих предков из Польши или Литвы¹. Однако данный факт, как ни странно, на протяжении двух веков не очень привлекал внимание историков. В историографии преобладала точка зрения на чисто легендарный характер большинства «родовых преданий», отразившихся в родословных росписях, несмотря на наличие документальных подтверждений о происхождении целого ряда русских дворянских родов из Литвы или Польши. Конечно, нельзя сказать, что данная тема совсем не интересовала историков. В генеалогических справочниках XIX в., как правило, транслировались родословные легенды без проверки их достоверности. Периодически о выезджих «литвинах» писали российские историки конца XIX — начала XX вв. (Н. П. Лихачев, Н. В. Мятлев, В. В. Руммель, А. М. Савелов и др.). Касались данной темы в своих работах и историки советского периода. Следует отметить в первую очередь работы С. Б. Веселовского, А. А. Зимины, В. Б. Кобрин². Значительное место вопросы истории и генеалогии выезджих из Литвы знатных родов занимали в научной деятельности М. Е. Бычковой³. Из работ современных исследователей следует упомянуть монографию М. М. Крома, посвященную истории русских земель пограничья Литовского и Московского великих княжеств⁴. Недавно была опубликована статья М. М. Бенцианова, в которой автор попытался осветить службу в Москве выходцев из великого княжества Литовского в довольно большой исторический период (XV–XVI вв. и даже ранее)⁵. Также имеется ряд работ, касающихся истории службы в Московском государстве отдельных дворянских родов, происходивших из великого княжества Литовского. Например, еще в 1908 г. было опубликовано исследование Б. Л. Модзалевского о дворянах Раевских⁶, а в 1913 г. — Н. П. Лихачева о дворянах Корсаковых⁷. Современные исследователи продолжают традиции русской исторической генеалогии. Истинным и мнимым потомкам знаменитого мценского воеводы Григория Протасьева посвящена работа И. Г. Пономаревой⁸, а дворянским родам Пивовых и Судимантовых — статьи А. Ю. Кабанова⁹. На тему истории видного рода дворян Ивашинцовых написано диссертационное исследование С. А. Манькова¹⁰. «Зеркальный процесс» — служба московских

эмигрантов в великом княжестве Литовском — освещается в ряде работ К. Ю. Ерусалимского¹¹.

Хорошо известен пример «перехода на сторону противника» Михаила Глинского и Андрея Курбского. Но это, хотя и наиболее яркие, но единичные примеры такого явления. Переходы на службу из Московского княжества в Литву и в обратном направлении известны с XIV в. (наиболее символично участие в битве на Ворксле 1399 г. уроженцев ВКЛ, ранее бившихся на Куликовом поле — Дмитрия и Андрея Ольгердовичей и др.), они активно бытовали и в XVII в. Существование такого процесса требует обобщённого исследования, основанного на глубоком изучении источников по каждой персоналии. Ограниченное количество информации и её противоречивость приводит к необходимости допущений, однако привлечение к анализу большого массива биографического материала позволяет создать более или менее правдоподобную картину. В результате мы можем получить статистику, достаточно точно отражающую существовавшую картину.

Факт подобного рода постоянных контактов между двумя государствами можно рассмотреть через влияние военного дела и служебных отношений друг на друга. В первую очередь можно посмотреть на лингвистическую составляющую. И в России, и в Литве к началу XVI в. были в ходу такие термины, неизвестные в древнерусском языке, как «бехтерцы», «саадаки», «панцири», «тегиляи», «корды», «кольчуги», «обоз», «рогатина» (термин известен и в древнерусском языке, но теперь стал использоваться и для массового обозначения вида всаднических копий), «ручница», «жолнёры», «зерцала», «наручи», «наколенники» др. Большинство этих слов пришли из других языков, при этом, разумеется, было много слов, используемых только в одном из государств (можно также отметить лингвистическое различие в области артиллерии, которая в России с конца XV в. находилась под прямым немецко-итальянским влиянием). Но это — показатель военно-лингвистической общности, в итоге приведшей к «естественному» появлению в XVII в. в русском языке огромного количества военных терминов, заимствованных из польского (одно их перечисление займёт не одну страницу).

Как ни трактовать московское сообщение под 1436 г. «изрядил полк по литовски»¹², так или иначе оно говорит о существовании какого-то

отличия между строем «литовской» и «московской» конницы. В данном случае — об отличии «*ратного обычая*» в построении полка Ивана Бабы (составленного, видимо, из недавних участников гражданской войны в ВКЛ, бежавших после прошлогоднего поражения) и полками прочих воевод великого князя московского. Однако, несмотря на постоянный наплыв выходцев из различных земель ВКЛ, больше не отмечается их тактическое своеобразие. Отсутствует необходимость их тактического обособления от собственно «московской» конницы. То есть предполагаемое своеобразие нет оснований называть существенным. Достаточно взглянуть на литовские пописы 1560-х гг., чтобы увидеть региональные различия внутри ВКЛ в предпочтении вооружения. По факту выходцы в военно-тактическом плане легко адаптировались и в России, и в Литве. В Боярской книге 1556 г. «*литва дворовая*» по вооружению не отделяется от «коренных». В Коломенской десятне 1577 г. «*литвяки нововыезжие, а ныне служат с Коломны с городом*» имеют вооружение, как и прочие дети боярские («*в пансыре, в шапке в железной, в саадаке, в сабле*»)¹³. Только потом выходцы из Речи Посполитой стали образовывать отдельные роты или служить вместе с «*немцами*» и «*гречанами*».

Всё это лишь иллюстративные примеры. Вопрос требует глубокого детального изучения и может разрабатываться как часть процесса изучения военного дела ВКЛ, Московской Руси, Новгорода и Пскова.

Другой аспект названных контактов — отношения людей по обе стороны «фронта». В родственных отношениях, строго говоря, находились и главы государств. К одним родам могли принадлежать и воеводы, и рядовые воины. Такая ситуация позволяет рассматривать взгляды участников конфликтов как продолжение взглядов, существовавших в период княжеских усобиц на Руси, когда «врагами» могли быть и родственники, находящиеся под властью другого князя.

Прежде чем делать выводы, следует разобраться в конкретных вопросах. Чтобы сделать обобщение по всем известным «*литовским выходцам*» в России в XIV–XVI вв. нужно написать монографию, поэтому мы остановимся на одном коротком промежутке, который при этом даёт необходимый для статистического обобщения материал. Рассмотрим такой известный период, как Оршанская битва 1514 г. и последующие за ней столкновения.

Конный литовский выходец на московской службе
Иллюстрация Красникова А.В., 2020 г.

С одной стороны, сохранились источники по именам пленённых участников данных событий. С другой — это период «взрывного» появления «литовских выходцев» на русской службе. Связан он с присоединением верховских, восточных смоленских и северских земель в результате походов 1492–1493 и 1500 г., а также «мятежом Глинского» 1508 г. В результате на службе московского государя находилось большое количество как уроженцев ВКЛ, так и тех, чьи предки выехали в XV в. Но слова «много» сами по себе мало о чём говорят. Для создания необходимого статистического представления и была подготовлена эта работа.

В основе этого просопографического исследования лежат списки «вязней московских» по летописному «Патриаршему списку»¹⁴ и реестрам из книг Литовской метрики, опубликованных в работе А. В. Антонова и М. М. Крома¹⁵.

Кн. Михаил Иванович Булгаков-Голица, кн. Дмитрий Иванович Булгаков. Князья Булгаковы принадлежали к высшей аристократии Московского государства. Их предок, князь Юрий Патрикеевич в 1406 г. женился на младшей дочери великого князя Дмитрия Ивановича Анне¹⁶. У Юрия Патрикеевича Литовского было двое сыновей: старший, Василий, умерший молодым, и Иван Юрьевич, знаменитый первый боярин и «московский наместник» великого князя Ивана III¹⁷. Братья князья Булгаковы были внуками князя Василия Юрьевича, сыновьями князя Ивана Булгака Васильевича, откуда и происходит их фамильное прозвище. Известный полководец того времени, князь Даниил Василевич Щеня Патрикеев приходился им родным дядей¹⁸. Кроме Михаила и Дмитрия, у Ивана Булгака были еще сыновья Иван Мошок и Андрей Курака. Князь Михаил Голица начинает упоминаться в источниках в конце XV в.: в октябре 1495 г. в числе детей боярских двора он сопровождал великого князя Ивана III в Новгород. В феврале 1500 г. упомянут в разряде свадьбы князя В. Д. Холмского и великой княжны Феодосии. С осени 1506 г. по сентябрь 1514 г. неоднократно упоминается в разрядах, как боярин и воевода¹⁹. В мае 1514 г. возглавлял русскую делегацию на встречах с турецким послом в Москве²⁰. В сентябре 1514 г. князь Михаил Иванович Булгаков попал в плен в битве под Оршей. В плену он находился 37 лет, и только 27 февраля 1552 г. вместе с князем Иваном Селеховским вернулся в Москву. Князь Михаил Голица как боярин *«у князя Юрия Васильевича*

на Москве» упомянут в разрядах в июне-августе 1553 г.²¹ Принял монашество в Троице-Сергиевом монастыре с именем Ионы. Инок Иона Булгаков умер в монастыре до 9 августа 1554 г.²² Его имя внесено для поминовения в синодик Успенского Кремлевского собора²³.

Князь Дмитрий находился как бы в тени своего старшего брата, его служебная биография намного скромнее. В феврале 1500 г. вместе с братом присутствовал на свадьбе князя В. Д. Холмского и великой княгини Феодосии²⁴. В сентябре 1514 г. под Оршей был вторым воеводой большого полка²⁵. В Оршанской битве попал в плен к литовцам, сидел в Вильне²⁶. Был отпущен домой намного раньше брата, хотя в плену находился также немалое время. В мае 1547 г. командовал сторожевым полком в Коломне²⁷. После этого имя князя Дмитрия Булгакова в источниках не упоминается.

Кн. Иван Дмитриевич Пронский. Также к верхушке московской аристократии принадлежали князья Пронские. Они вели свою родословную от Святослава Ярославича Черниговского, сына великого князя Ярослава Мудрого²⁸. Спор за «Великое княжение Рязанское» между владельцами Пронска и Переяславля-Рязанского к середине XV в. окончательно был решен в пользу последних, и князья Пронские, до 1483 г. потеряв свой родовой удел, были вынуждены искать пристанища за рубежами Рязанской земли²⁹. Во второй половине XV в., по меньшей мере, двое из них отмечены в документах Литовской метрики. В «Книге данин» Казимира имеется запись о пожаловании села сыну князя Федора Ивановича: *«Кн(я)зю Юрю Пронскому дано село Камонности, што пан Римовидъ держалъ, у хлебокормленье. А просили кн(я)зь бискупъ и вся Рада Панове. Дан у Городне, мар(та) 21, индиктъ 12. Самъ»*³⁰. По мнению Б. Н. Флори, эта запись должна быть датирована 1464 г. Примерно в это же время «Римовидовский дворец» (не ясно, идет ли речь о том же самом «Комоноитском дворе» — держании пана Римовида, или упомянуто его другое бывшее владение) держал князь Дмитрий Пронский, сын князя Андрея Сухорука и отец «московского вязня» князя Ивана Дмитриевича³¹. В 1488 г. князю «Дмитрею Пронскому» королем Казимиром было пожаловано право на получение денежных и натуральных пошлин, поэтому можно предполагать, что князь Дмитрий Андреевич служил в ВКЛ до своей смерти, а в Москву выехали уже его сыновья³².

Второй сын Дмитрия Пронского, князь Иван Дмитриевич, впервые упомянут в разряде свадьбы князя В. Д. Холмского и великой княжны Феодосии Ивановны в феврале 1500 г. Согласно разряду, он должен был находиться в поезде князя В. Д. Холмского с другими детьми боярскими. Интересно, что в списке имя князя И. Д. Пронского стоит сразу же за именами князей Михаила Голицы, Андрея Кураки и Дмитрия Ивановичей Булгаковых³³. Около 1505 г. упоминаются его земельные владения в Ярославском уезде, а в 1512–1514 гг. недолгая служба князя И. Д. Пронского в воеводах отмечена в Разрядных книгах³⁴.

Иван Васильев сын Кушелев. В летописном «Патриаршем списке» присутствует некий *«Иван Васильевич сын Кушешов»*. Очевидно, имел дело с ошибкой переписчика и запись подразумевает представителя дворянского рода Кушелевых. Первые сведения о Кушелевых содержатся в источниках, связанных с поземельными отношениями в Дмитровском уезде. В данной грамоте 1450–1460-х гг. Троице-Сергиеву монастырю на селе Жолтиковское в Дмитрове упомянуты вотчинники Борис Семенович Кушелев с братьями Михаилом, Севастьяном и Антоном, и их отец Семен Васильевич³⁵. Примерно тем же временем датируется духовная Ефросиньи, сестры Бориса и Александра Кушелевых³⁶. В развезжей грамоте 1504 г. великого князя Ивана Васильевича его сыну, удельному князю Юрию Ивановичу упомянуто сельцо Залесское *«земли Дмитровской»*, принадлежавшее Ивану Кушелеву³⁷. Следует отметить, что сам по себе факт наличия вотчинных земель не может служить надежным доказательством местного происхождения рода. Дело в том, что практически до 1480-х г. выезжие (в подавляющем большинстве из ВКЛ) *«бояре и слуги»* получали земли, как правило, не на условиях поместного держания, а *«в вотчину»*. Кроме того, вотчину можно было просто купить. Например, в том же Дмитровском уезде упоминаются вотчины потомков недавних выходцев из Литвы: князя Даниила Дашкова, Андрея и Романа Судимантовых³⁸.

В связи с этим следует отметить упоминание в Литовской метрике ряда наименований, позволяющих предполагать происхождение фамилии Кушелевых от литовского имени Кушелис (Кушлис). Около 1441 г. Петрашу Стромилку был пожалован «человек» Кушлис³⁹. Примерно в это же время пану Судимонту Доргевичу в числе четырнадцати тяглых слуг был записан и некий Кушлевич, а боярину Гостилу — *«землица»* Кушлево в Керновской волости⁴⁰.

Пеший литовский выходец на московской службе
Иллюстрация Красникова А.В., 2020 г.

С тем же самым именем связано и прозвище писаря (дьяка) канцелярии великого князя литовского Казимира Ивана Кушлейко, кем непосредственно были написаны многие акты в период 1440–1460-х гг.⁴¹ Наконец, стоит указать на существование польско-литовского шляхетского рода Кушелевичей (*Kuszelewicz*) герба «Юноша», а также шляхетских фамилий Кушель, Кушлейко, Кушелевский. Уже в конце XV в. Кушелевы входили в великокняжеский двор Ивана III. Сыновья дмитровского сына боярского Михаила Семеновича Иван Чепец и Иван Меньшой в январе 1495 года отправились в Литву в свите великой княжны Елены Ивановны, невесты великого князя Литовского Александра. Их родственник Федор Кривой Григорьев сын Кушелев упомянут в числе детей боярских свиты боярина М. Я. Русалки Морозова, также сопровождавшего великую княжну Елену Ивановну⁴². В феврале 1500 г. Иван Чепец, согласно разряду свадьбы князя В. Д. Холмского и великой княжны Феодосии Ивановны, числился среди детей боярских, которые должны были «ходить у саней» великой княгини Софьи Фоминичны⁴³. Федор Кривой Кушелев еще раз отметился при исполнении посольской службы: в апреле 1500 г. в качестве товарища посла князя И. С. Кубенского он отправился в Крым⁴⁴.

В середине XVI века дети боярские Государева двора Кушелевы служили из Дмитрова и Торопца⁴⁵. С 1480-х гг. некоторые из Кушелевых появляются на поместьях в Новгородских пятинах. Например, в Егорьевском Теребожском погосте Водской пятины Новгородской земли в конце XV в. владел довольно большим поместьем (43,5 обож земли) Василий Борисов сын Кушелев, сын дмитровского вотчинника Бориса Кушелева⁴⁶. Очевидно, сыном Василия Кушелева был плененный в Оршанской битве Иван, к 1538/39 г. вернувшийся из плена⁴⁷.

Остается нерешенной проблема возможных родственных связей Кушелевых с двумя дворянскими родами Кошелевых, первый из которых вел свою родословную от легендарного выходца из Польши Аршера Кошелевы, а второй считался ответвлением от родословного древа тех же Кушелевых⁴⁸.

Филипп Иванов сын Киселев, Федор Михайлов сын Киселев. Пленниками Оршанской битвы были и два представителя видного муромского дворянского рода Киселевых. Филипп Иванов сын Киселев был упомянут как в летописном «Патриаршем списке», так и в четырех

реестрах (1518, 1519, 1525, 1538 гг.) из Литовской метрики. Он содержался в Слониме, там же и скончался до 20.10.1538 г. Его родственник (вероятно, двоюродный брат) Федор Михайлов сын числился только в двух реестрах, 1519 и 1538 гг., причем в последнем он был записан как умерший⁴⁹. Согласно семейному преданию, предком дворян Киселевых был некий Свентольд Кисель, якобы выехавший из Польши еще к великому князю Владимиру Мономаху⁵⁰. Киселевы, таким образом, полагали себя однородцами шляхетского рода Киселей и пользовались польским гербом Кисель. Любопытный факт, но польские источники, сообщая о пленении кого-то из Киселевых (Филиппа либо Федора) 27 или 28 августа 1514 г. накануне битвы при Орше, называют его «*Киселичем*»⁵¹. «*Иваново село Киселева*» (вероятного отца Филиппа), лежавшее «*меж Новгорода (Нижнего) и Муром*» упомянуто в летописи под 6954 (1445/46) г.⁵² Похоже, что тот же самый «*Иван Григориев сын Киселева*» в 1464/73 г. был владычным боярином митрополита Филиппа. Также митрополиту, но уже Зосиме в 1491/92 г. служил и сын Ивана Киселева, Григорий⁵³. А Михаил Киселев (отец Федора) в начале 1460-х гг. был наместником в Нижнем Новгороде⁵⁴.

Служебная биография сына Михаила — Федора, выглядит гораздо более насыщенной. В 1482 г. он был писцом ключа в Нижнем Новгороде⁵⁵, около 1490 г. — кормленщиком в г. Плес Костромского уезда⁵⁶. На самоуправство Федора Киселева в Казани жаловался Ивану III в октябре 1490 г. хан Мухаммед-Амин⁵⁷. В феврале 1500 г. Федор Киселев записан в разряде свадьбы князя В. Д. Холмского и великой княжны Феодосии в числе детей боярских в поезде князя Холмского⁵⁸. В октябре 1501 г. Федор Михайлов сын Киселев был отправлен послом к крымскому хану Менгли-Гирею⁵⁹. В 1503/1504 г. он снова писал Нижегородский уезд⁶⁰. По летописным данным, в июне 1506 г. Ф. М. Киселев был воеводой в Муроме⁶¹. Однако битва при Орше в 1514 г. прервала довольно удачную служебную карьеру муромского сына боярского.

Источники сохранили также и сведения о земельных владениях муромского «*Киселича*». Так, в 1470–80-х гг. Федор Михайлов сын Киселев по жалованной тарханной грамоте великого князя Ивана III владел в Дубровском стане Муромского уезда селом Дуброва на р. Ушне с деревнями⁶². 29 марта 1506 г. на эти же владения «с *придачей*» он получил жалованную несудимую грамоту от великого князя Васи-

лия III⁶³. Наконец, в 1532 г., на 18-м году своего плена в Литве, Федор Михайлов сын Киселев завещал свои вотчины сыну Семену⁶⁴. Сын Федора Семен сохранял высокое положение среди муромской военно-служилой дворянской корпорации: в Дворовой тетради 1550-х гг. он записан по Мурому третьим (после князя И. Ф. Мезецкого и Л. И. Бокева) с пометой «от службы отставлен»⁶⁵.

Возвращаясь к родовой легенде Киселевых, полагаем, что в ее основе лежит рациональное зерно: род, по всей видимости, был выезджим. Учитывая склонность составителей семейных преданий к удревнению начала своей службы в землях Северо-Восточной Руси, можно предположить, что выезд предка (или предков) Киселевых произошел не в XII в., а в первой половине XV в., и был связан с бурными событиями междоусобной «Свидригайловой войны» в Великом княжестве Литовском. По крайней мере, на землях ВКЛ в Карачевской (?) волости упоминается ойконим с характерным названием. Около 1441 г. некие братья Севастьян и Яков получили подтверждение на свою «отчину»: Киселев, Переславль и Матшин⁶⁶. Не исключено, что в данном случае источник упоминает родственников муромских дворян Киселевых.

Косвенным подтверждением смоленского происхождения муромских дворян Киселевых может служить вклад Семена Федорова сына Киселева в «Смоленск к Пречистой к соборной» наряду с вкладами в Троицкий Сергиев и Владимирский Рождественский монастыри, а также в муромские монастыри и соборы по его духовной грамоте. Аналогичным образом поступила вдова перешедшего на московскую службу смоленского боярина Дмитрия Мирославича, медынская вотчинница Мария Никифоровна, завещавшая сделать вклады в «Смоленскъ к Пречистой к Соборной... да в Смоленскъ ж к Спасу в манастырь» наряду с вкладами в Троицу, а также в медынские монастыри и соборы⁶⁷.

Юрий Дмитриев сын Лысцов. Согласно реестрам «взяней» 1519, 1525 и 1538 г. сын боярский Юрий Дмитриев сын Лысцов сидел в Берестье, где скончался до 20 октября 1538 г.⁶⁸ Его имя присутствует и в летописном «Патриаршем списке». В конце XVII в. представители Лысцовых не подавали свою родословную роспись в Палату родословных дел Разрядного приказа, их происхождение неизвестно. Имя Ю. Д. Лысцова, однако, стоит первым в списке пленников,

содержавшихся в Берестье. Очевидно, Лыцовы были дворовыми детьми боярскими. Так, родственник (брат?) Юрия Андрей Лыцов в октябре 1495 г. отмечен в разряде как постельник в свите великого князя Ивана III во время поездки в Новгород⁶⁹. Сын Андрея Иван, а также его родственник Михалко Григорьев сын Щекин записаны в Дворовой тетради по Рязани, но рязанскими детьми боярскими они стали, по всей видимости, только после вхождения рязанских земель в состав Московского государства.

Интересно, что очень близкое фамильное прозвище, а по сути — вариант той же самой фамилии, встречается в судебных книгах Литовской метрики. Так, судебный *«вырок»* о селе в Полоцком повете, датированный 2 июля 1512 г. упоминает полочанина Гавриила *«з братьею Лысцевичи»*, судившихся с паном Иваном Сапегой за *«имение отчизное»* — село Освию⁷⁰. Несмотря на то, что в акте Лысцевичи названы мещанами, покупка ими села влекла за собой обязанность *«службу земскую заступати»*, тем более что люди они были довольно состоятельные. Источники свидетельствуют, что предками дворянских родов частенько бывали вовсе не представители княжеско-боярской аристократии, а выходцы из различных категорий тяглого населения: купцы, мещане и даже крестьяне. Предположение о выезде зажиточного полоцкого мещанина на службу великому князю Московскому не видится невероятным.

Истома Иванов сын Лупандин. Истома Иванов сын Лупандин был вписан как в «Патриарший список», так и в реестры 1519, 1525 и 1538 гг., причем в «Патриаршем списке» его имя читается дважды. Он содержался в Дрогичине и в реестре 1538 г. показан умершим к тому времени⁷¹. Очевидно, что Истома Иванов сын Лупандин не мог быть потомком Якова Лупанды Васильева сына Объедова из рода Редеги, от которого в «Бархатной книге» показано происхождение Лупандиных⁷². На неполноту и ошибки в «официальной» родословной Лупандиных указывал и Н. П. Лихачев⁷³. В конце XV — начале XVI в. встречаем двух человек по имени Иван Лупандин, принадлежавших к низшим категориям служилых людей. В привилее короля и великого князя Александра Казимировича пушкарю Матысу на данников в Полоцком повете, датированным 10 ноября 1503 г., упоминаются дякольные слуги *«Иван с братом Лупандины»*⁷⁴. Второй Иван Лупандин служил *«с землею»*

князю И. Ю. Патрикееву, был его «человеком» (холопом) и получал свободу по духовной грамоте своего господина⁷⁵.

Современником вышеупомянутых Иванов был и третий, который также вполне мог быть отцом «московского вязня» Истома Лупандина. Он происходил из рода Еленских бояр Смоленского наместничества, чьи представители были записаны в реестре «Князи и бояре смоленские» около 1492 г.: «*Лупанъдевых: Ханява а Митя; дети их: Курма, Мартинъ, Моня, Иванъ, а иныи малы*»⁷⁶. Судя по данным источников, фамильное прозвище «*Лупандев*» могло записываться и как «*Лупандин*» (аналогично: Захарьин — Захарьев, Озарьин — Озарьев и т.п.). Наиболее вероятным нам видится происхождение детей боярских Лупандиных из «*смольнян*», но данный вопрос требует дополнительных исследований.

Неклюд Парфеньев сын Бардин Андреева. В реестрах из Литовской метрики муромец Неклюд Бардин ошибочно записан как «*Борисов*», а в летописном Патриаршем списке записан дважды: как «*Бардин*» и как «*Андреев*»⁷⁷. Однако благодаря двойной записи в источнике удастся установить происхождение Н. П. Бардина: он был внуком служилого человека ВКЛ Андрея Бардича. Из актов Литовской метрики известно, что 28 октября 1488 г. король Казимир пожаловал Андрея Бардича правом на получение 10 коп грошей и 7 локтей «*сукна махальского*» с Луцкого мыта⁷⁸. Видимо, тот же самый Андрей Бардич в конце XV в. держал село Татариничи в Овручском повете⁷⁹.

Будай Кучуков. Пленник Оршанской битвы сын боярский Будай Кучуков был упомянут как в летописном «Патриаршем списке», так и в реестрах из Литовской Метрики 1519 и 1525 г. Будай входил в число детей боярских двора великого князя Василия III. Имеется упоминание о его назначении, связанном с дипломатической деятельностью Московского государства: в 1510 г. он был приставом у литовских послов в Пскове⁸⁰. Его сын Василий Будаев в 1550 г. был тысячником 3-й статьи из Вязьмы, в Дворовой тетради он также записан из Вязьмы. По Вязьме служили и родственники Будая — Андрей Федоров сын и Иван Адашев сын Кучуковы⁸¹. В Дворовой тетради записано немало потомков литовских выходцев второй половины XV — начала XVI вв., служивших по Вязьме: Болотниковы, Васильчиковы, Голохвастовы, Губины, Кикины, Митковы, Моклоковы, Молоцкие, Моршалковы,

Одинцовы, Ознобишины, Судимонтовы, Сьюльменевы, Тургеневы. Человек по прозвищу Кучук упомянут в западнорусском летописании — так звали одного из убийц великого князя Литовского Кейстута Гедиминовича⁸². По всей видимости, Будаи не принадлежал к литовскому боярскому роду Кучуков, происходившему из Мазовии⁸³. Возможно, его родственником был кричевский боярин Иев Кучукович, 5 мая 1500 г. получивший привилей великого князя Литовского Александра на аренду корчмы в Кричеве⁸⁴. Не исключено, что Иев Кучукович и Будаи Кучуков были потомками Кучука, одного из «*коморников*» Ягайло, задушивших его дядю Кейстута. Так или иначе, происхождение Будая Кучукова из ВКЛ выглядит весьма и весьма вероятным.

Григорий Борисов сын Безумов. Согласно родословной, Безумовы происходили из тверских бояр, их однородцами считались Нагие и Собакины. А. В. Кузьмин установил, что родственниками вышеуказанных фамилий были также Нащокины, Алферьевы, Безнины, Ветренные, Ляпуновы, Свибловы и Сназины⁸⁵. Не исключено, что Борису Безуму в Полоцке принадлежал «*Безумовский двор*», который около 1492 г. был куплен Ивашкой Сапежичем у полочанина Варфоломея Есковича⁸⁶. Этот факт может говорить как о происхождении рода Безумовых из Полоцка, так и о службе в Литве «*тверичей*» Бориса Безума или его сына Григория. Факты службы в Литве представителей родов тверского боярства достаточно хорошо известны. Например, Измайло Туров из тверского боярского рода Левашовых перешел на московскую службу вместе с участниками мятежа князей Глинских в 1508 г.⁸⁷

Андрей Григорьев сын Соловцов, Федор Фомин сын Соловцов. Два представителя довольно значительного служилого рода Соловцовых фигурируют в реестрах «*вязней*» из Литовской метрики⁸⁸. Летописный список упоминает лишь второго из них, но зато указывает его отчество — «*Фомин сын*»⁸⁹. Отец Андрея Григорий Федоров сын Соловцов в январе 1495 г. записан в разряде как сын боярский «*за постелью*» в свите великой княжны Елены Ивановны в поездке в Литву⁹⁰. Около 1495–97 г. он выступает «*судным мужем*» в одном земельном споре в Угличском уезде⁹¹. В 1501–1503 гг. в Водской пятине Новгородской земли Ивану Константиновичу Ислентьеву, Сабуру и Бреху Муриновым детям Соловцовым, Федору, Андрею и Ивану Григорьевым детям Соловцовым были даны в поместье земли, всего 94,5 беж.

В Копорском уезде той же Водской пятины Федору, Андрею и Ивану Григорьевым детям Соловцовым было дано в поместье еще 60,5 обож пахотной земли⁹².

Соловцовы, Истленьевы и Башмаковы вели свое происхождение от старомосковского боярского рода Воронцовых-Вельяминовых, потомков тысяцкого Ивана Калиты Протасия. В родословцах основателем фамилии был указан Горяин Васильев сын Истленьев, не фигурирующий в актах и документах того времени. С. Б. Веселовский сомневался в правильности родословий Истленьевых и Соловцовых в части их происхождения от Воронцовых-Вельяминовых⁹³. Отцом Григория и дедом оршанского пленника А. Г. Соловцова был Федор Соловец Иванов сын Истленьев, вотчинник в Костромском уезде⁹⁴. Федор Соловец был убит в Суздальской битве с татарами 7 июля 1445 г., его имя внесено для поминания в синодик Успенского Ростовского собора⁹⁵.

Кроме Григория, у Федора еще были сыновья Федор, Фома и Мурин, упоминаемые около 1490-х г. в отводной грамоте в Костромском уезде⁹⁶. Очевидно, сыном Фомы Соловцова был второй оршанский пленник из этого рода, новгородский помещик Деревской пятины Федор Фомин сын Соловцов, содержавшийся в Городно⁹⁷. На настоящее происхождение родов Истленьевых и Соловцовых может указывать упоминание о пожаловании в 1440-х гг. великого князя Казимира в Смоленской земле: «*Истленью селищу дано Романево*»⁹⁸. Если в данной записи упомянут Иван Истленьев, отец Федора Соловца, то Истленьевы и Соловцовы, судя по всему, были потомками служилого человека в Смоленском наместничестве ВКЛ, позднее пытавшимися приписаться к старомосковскому боярскому роду.

Василий Григорьев сын Лазарев. По мнению М. Бенцианова и А. Лобина, В. Г. Лазарев принадлежал к тверской военно-служилой корпорации⁹⁹. Однако «*тверичи*» Лазаревы, по всей видимости, не были потомками коренных тверских бояр, а происходили из помещиков Шелонской пятины Новгородской земли. Они также не были однородцами известного служилого рода Лазаревых-Станицевых из Юрьева. Согласно писцовой книге Шелонской пятины письма М. И. Валуева 1497/98 г., в Порховском окологородье владели поместьями Андрей и Гридя Даниловы дети Лазарева¹⁰⁰. В Карачунском погосте за ними же были небольшие прибавочные поместья¹⁰¹. Кроме того, за Андрейком

Даниловым сыном Лазарева было еще поместье в 4,5 обжи пахотной земли в Дубровенском погосте¹⁰².

По описанию 1539 г. в Михайловском погосте Шелонской пятины владел отцовским поместьем с починками Федор Иванов сын Лазарева. «Старое» поместье его отца Ивана было довольно крупным и состояло из 16 деревень, 65 дворов, 32,5 обжи пахотной земли¹⁰³. В этом же погосте писцовая книга отмечает «*починокъ Олехново Григорьевской Лазаревъ*», видимо, основанный сыном Григория Даниловича¹⁰⁴. В Михайловском же погосте в 1539 г. были помещиками и сыновья Андрея Лазарева: Алабыш, Салтан, Булат и Урман¹⁰⁵, но поместье Гриди Данилова сына Лазарева, брата Андрея, в «окологороде Порховском» отмечено как бывшее¹⁰⁶. И, похоже, совсем не случайно примерно в это же время в тверских писцовых материалах встречаем весьма вероятных потомков Гриди Лазарева: Алексея Григорьева сына¹⁰⁷, Ивана Григорьева сына с сыновьями Степанком и Иваном¹⁰⁸, Федора Васильева сына, по всей видимости, сына плененного в Оршанской битве Василия Лазарева¹⁰⁹. Но и сам В. Г. Лазарев упоминается в разъезжей грамоте 1504 г. великого князя Ивана III его сыну, удельному князю Юрию Ивановичу, как владелец деревни Плосково на границе Дубенского стана Кашинского уезда¹¹⁰.

Возвращаясь к вопросу происхождения «*ноугороцких помещиков*» Лазаревых, считаем целесообразным снова обратиться к актам Литовской Метрики. Среди реестров пожалований Казимира в 4-й книге Метрики встречается «*Отправка бояромъ смоленьскимъ*», датированная 2 июня 1486 г. Согласно этому документу смоленскому боярину Ивашке Лазареву было дано право на получение 3 коп грошей со смоленского мыта, а Андрей Лазарев получал с того же мыта полторы копы¹¹¹. Тем же самым Ивашке и Андрею Лазаревым 21 июля 1486 г. было записано, соответственно, 2 и 1,5 копы из королевской казны¹¹². Согласно «*данине*» с датой 7 августа 1488 г. Ивашко Лазарев должен был получить уже 6 коп грошей со смоленского мыта¹¹³. Наконец, в реестре служилых людей «*Князи и бояре смоленьские*» около 1492 г. значились: «*Андрей Лазоревъ, а в него два сыны молодцы. Иванъ Лазоревъ. Яковъ Лазоревъ*»¹¹⁴. Полагаем вполне возможным сопоставить смоленских бояр Ивана и Андрея Лазаревых с новгородскими помещиками Андрейком Даниловым сыном и Иваном (вероятным братом Андрея и отцом Федора) Лазаревыми.

Яков Иванов сын Мелехов. Сын боярский «Яков Иванов сын Мелечов» записан только в реестре 1538 г. как умерший в Троках к этому времени¹¹⁵. Род служилых людей Мелечовых или Мелечевых в Московском государстве в XV–XVII вв. неизвестен. И хотя под 1488 г. в одной из записей Литовской Метрики упоминается боярин Федько Мелечевич¹¹⁶, видимо, все-таки следует предполагать ошибку переписчика в фамилии перешедшего на московскую службу представителя рода смоленских бояр Мелеховых.

«Смольняне» Мелеховы известны с середины XV в. Около 1441 г. «Мелехову сыну» по великокняжескому привилею был отдан слуга Степанко Минчин «и земляца»¹¹⁷. В реестре пожалований короля Казимира 21 июля 1486 г. смоленскому боярину Путяте Мелехову было записано 4 копы грошей из королевской казны¹¹⁸. В реестре «Князи и бояре смоленские» около 1492 г. Путята Мелехов с сыновьями записан в числе Машинских щитных слуг, но, судя по ряду фамилий, часть списка смоленских бояр, имевших владения в Машинской волости, при переписке была механически соединена со списком щитных слуг. В реестре читается: «Путята Мелеховъ, а тры сыны его с нимъ у дому: Глебъ а Ивашко, а Яковъ; а инии по службамъ: Володько, Борысь, Федко, Гришъко, Ивашко»¹¹⁹. Трокский пленник Яков мог быть сыном одного из сыновей Путяты Мелехова по имени Ивашко. Кроме того, не исключено, что крестильным именем самого Путяты было Иван, и, таким образом, «московским вязнем» был сын Путяты, Яков, упоминаемый вместе с отцом в смоленском реестре.

Позднее, во второй половине XVI–XVII вв. в Московском государстве упоминаются мелкопоместные дети боярские Мелеховы, но их связь с вышеупомянутым родом смоленских бояр не установлена. Не исключено, что «смольняне» Мелеховы могли сменить фамилию. Так, в Дворовой тетради 50-х годов XVI в. записан дворовой «литвин» из Юрьева Андрюшка Федоров сын Путятин, который мог быть сыном Федка Путятина сына Мелехова. Возможно, там же ниже записаны и его родственники — Прохор Данилов сын Путятин Кетев с сыном Игнатом, также из юрьевской «литвы дворовой»¹²⁰.

Борис Дмитриев сын Мартьянов. В летописном «Патриаршем списке» в числе детей боярских, взятых в плен в Оршанской битве, читается имя «Борис Мартинов». Однако в реестрах 1519 и 1525 г.

из Литовской Метрики записан «*Борыс Дмитреев сын Маркианов*», содержащийся в Дрогичине¹²¹. Род служилых людей Маркиановых в источниках XV–XVI вв. не упоминается, поэтому более верной полагаем информацию «Патриаршего списка», хотя и в нем не обошлось без ошибки. По всей видимости, должно читаться «*Борис Мартианов*». Род дворян Мартиановых или Мартьяновых известен. Например, писцовая книга Обонежской пятины 1563/64 г. упоминает в Никольском погосте в Дреглех поместье за Прокофьем Неклюдовым сыном Мартьянова, которое в 1585 г. было отделено его сыну, Максиму¹²².

Согласно позднему семейному преданию, предок рода Мартьяновых выехал из Литвы к великому князю Ивану III. В конце XV в. в ВКЛ действительно упоминается служилый человек с фамилией Мартьянов. По одному из реестров «данин» короля Казимира из Литовской Метрики смоленскому боярину Филиппу Мартьянову 21 июля 1486 г. было записано 4 копы грошей со смоленского мыта¹²³. Для более позднего времени есть и прямое указание на выезд одного из Мартьяновых из Литвы. В упомянутой писцовой книге Обонежской пятины 1563/64 г. говорится: «*В Обонежской пятине в Дмитреевском погосте в Кременичах за Андреем за Дмитреевым сыном Мартьянова за литвином царя и великого князя деревни, что бывали дворцовые*»¹²⁴.

Даниил Яковлев сын Хохлов. Согласно реестрам 1519 и 1525 гг., в Городно в плену сидел сын боярский «*Данила Яковов сын Хохлова*». Отец Даниила Яков Борисов сын Хохлов в конце XV в. был великокняжеским судьей во Владимирском уезде¹²⁵. Сын Якова (брат Даниила) Иван в 1505 г. был волостелем в Переславском уезде¹²⁶. Видимо, он же упомянут в качестве судьи в том же самом судебном списке, в котором упоминался и его отец¹²⁷. По нашему мнению, Яков Борисов сын Хохлов может быть отождествлен с боярином Радцинского пути Смоленского наместничества Яковом Хохолыным, упомянутым в реестре смоленских служилых людей около 1492 г.¹²⁸ Несмотря на датировку источника 1490-ми гг., в реестре определяется и пласт записей более раннего времени. Некоторые группы лиц (например, Александровы, Захаровы, Остафьевы) записаны дважды, при этом первая запись относится к более раннему времени, чем вторая. Присутствуют в реестре и лица, которые к началу 1490-х гг. служили уже в Северо-Восточной Руси. Так, в числе Рославльских слуг упомянуты братья

Иванко и Михаль Пожогины, но Михал Пожогин также выступает послухом в одном поземельном акте в Дмитровском уезде, датированном 1474–78 гг.¹²⁹ В документе также записан (причем дважды) смоленский боярин Васко Остафьевич, которого следует отождествить с Василием Остафьевичем Ознобишей, в 1480-х г. уже служившим в Москве¹³⁰.

Иоаким Степанов сын Морев. «*Яким Степанов сын Морева*», умерший в плену в Городно до сентября 1525 г., не принадлежал к боярскому роду Сорокоумовых-Глебовых, и, соответственно, не был потомком Полуекта Моря Васильевича Глебова, у которого, согласно родословным, было двое бездетных сыновей Иван и Борис¹³¹. О существовании другого рода Моревых (Моревичей) говорят данные, содержащиеся в книгах Литовской Метрики. Из судебного решения по спору князя Константина Крошинского и деменского наместника Бориса Семеновича Александрова от 10 августа 1495 г. становится известно, что Борис Александров обвинял князя Крошинского в насильственном захвате земель смоленских бояр Бубна, Суморока Дудина («*Дуденка*») и Моревича¹³². А в великокняжеском подтверждении князю К. Крошинскому на «*розные имена*» в Смоленском повете, датированном 18 апреля 1499 г., среди приобретений князя названо и село Станьки Григорьевича Морева на р. Сож¹³³. Видимо, в данном случае имя «*Станко*» является уменьшительным не от Станислав, а от Степан (ср. Стенька). Таким образом, оршанский пленник Яким (Иоаким) Морев был, скорее всего, сыном смоленского боярина С. Г. Морева (Моревича), перешедшего на московскую службу.

Яков Захарьин сын Симонов (Симанов). В «Патриаршем списке» записан новгородский помещик Яков Захарьин сын Симонов, однако в реестрах из Литовской Метрики его имя отсутствует. По данным писцовых книг, в Вельевском погосте Деревской пятины Новгородской земли за ним было в совместном владении с братом Ивашкой поместье 6 сох с третью пахотной земли¹³⁴. В Еглинском погосте той же Деревской пятины помещиками были два других брата Якова — Третьяк и Лева, а в Заборовском погосте владел поместьем их родственник Митя Остафьев сын Симонова¹³⁵. В конце XV в. в писцовой книге Шелонской пятины также упоминается «*рушанин*» Семен Симонов, но, похоже, он не имел отношения к помещикам Деревской пятины¹³⁶. Не исключено, что родственниками новгородских помещиков

Деревской пятины были «смоляны» Симоновы, щитные слуги Молоховского пути. В реестре «Князи и бояре смоленские» около 1492 г. значится: «*Служба Симоновых: Семеновъ сынъ Микита, Олѣтушко*»¹³⁷. С учетом того факта, что среди соседей Симоновых в Деревской пятине Новгородской земли были потомки выходцев из Литвы (князья Кропоткины, дети боярские Косаговские, Лопухины, Порецкие, Резановы), данная версия происхождения рода Симоновых видится весьма вероятной.

Василий Константинов сын Белавин. Василий Константинов сын Белавин «*луцких помещиков*», заключенный в Городно, принадлежал к малоизвестному и малозначительному дворянскому роду, чьи представители никогда не выделялись из общей массы служилого сословия. Это также справедливо и для его родственника, Борозды Игнатьева сына Белавина, плененного у Великих Лук в 1515 г. и содержавшегося в Городно¹³⁸. На происхождение этих детей боярских может указывать следующая запись из «Книги данин Казимира» в 3-й книге Литовской Метрики, которую следует датировать 1441–42 г.: «*У Лояновех а во Мьглине Лопазно Федьку и з братомъ с Толчовымъ Белавиньское, а во Мьглине Хомино, какъ при Ярослави держаль и при Жикгимоньте*»¹³⁹. Если отождествление сельца Белавинского в Мстиславле с отчиной детей боярских Белавиных верно, то последние, по всей видимости, происходили из числа слуг мстиславльских князей Юрия и Ярослава Лугвеньевичей.

Потап Баташ Иванов сын Кобылин Сухого. Взятый в плен при Орше Потап Баташ Иванов сын Кобылин «*изо Ржовы*» упоминается в летописном «Патриаршем списке» и в реестрах 1519 и 1525 г. Согласно реестрам, он содержался в заключении в Берестье, где и умер до сентября 1525 г. По всей видимости, это был сын Ивана Кобылы Александра сына Сухого, и, таким образом, Потап Кобылин принадлежал к роду, позднее принявшему фамилию Сухово-Кобылиных. В конце XV в. Иван Кобыла и Федор Александровы дети Сухово были испомещены в Каргальском и Егорьевском-Радшинском погостах Копорского уезда Водской пятины Новгородской земли¹⁴⁰. Их братья — Андрей, Василий, Борис, Иван Меньшой и Константин — были помещиками соседнего Ястребинского погоста¹⁴¹. К 1500 г. двое из братьев (Андрей и Иван Меньшой) уже умерли, и их доля в поместьях перешла другим владельцам.

Интересно, что «Кобылиными Сухого» позднее писались не только потомки Ивана Кобылы, но и потомки его братьев. Например, в Тысячной книге 1550 года по Каргальскому погосту Водской пятины Новгородской земли записан дворовый сын боярский второй статьи Василий Федоров сын Сухово-Кобылин, сын упомянутого выше Федора Александрова сына Сухого¹⁴². С 1559 до 1578/79 гг. упоминался в документах Василий Старый Константинов сын Кобылин Сухово, сын брата Федора Сухого, Константина Александровича¹⁴³. Происхождение Сухово-Кобылиных выясняется благодаря посольским документам Литовского и Московского великих княжеств. В 1511 г. московская сторона по меньшей мере дважды требовала отпустить членов семей участников восстания князей Глинских: жену Петра Фурсова с детьми, жену Мишки Александрова сына Сухого с дочерью и дочь Мишки Семенова сына Александрова¹⁴⁴. Очевидно, речь идет в том числе и об еще одном брате новгородских помещиков Александровичей Сухого, остававшемся на службе в ВКЛ до 1508 г., в то время как его братья в конце XV в. уже владели поместьями в Новгородских пятинах.

Михаил Шипилов сын Унковский. Благодаря летописному «Патриаршему списку» устанавливается фамилия сына боярского Михаила Шипилова сына Унковского «из Бранска», поскольку в реестрах из Литовской метрики он записан просто как «*Михаил Шипилов сын*»¹⁴⁵. По всей видимости, Унковские были выходцами из Северской земли, а их фамилия происходила от названия села Унковичи (Унуковичи), находившегося к западу от Стародуба на дороге из Минска в Северскую землю¹⁴⁶. Как известно, Стародубом с волостью в конце XV в. владел князь Семен Иванович Можайский в качестве служилого князя великого князя Литовского. В апреле 1500 г. северские княжата Семен Можайский и Василий Шемячич «били челом» о переходе на службу Ивану III «с вотчинами»¹⁴⁷. Взятый в плен при Орше Михаил Шипилов сын Унковский, сидевший в Городно, был одним из первых представителей этого рода, упомянутых в источниках. В середине XVI в. размножившиеся Унковские служили дворовыми детьми боярскими по Новгороду, Твери, Волоку, Дмитрову и Боровску¹⁴⁸.

Федор Васильев сын Антонов. Уже с середины XV в. в Муромском уезде по пожалованиям великих князей Московских получают земельные владения выезджие из ВКЛ бояре и слуги: Киселевы, Вышковы,

Елизаровы (из смоленских бояр Олизаричей), Елизаровы-Игнатовичи, Коленовы, Матвеевы-Борисовы и другие. Возможно, потомком выходца из Литвы был и «Федор Василевич сын А[н]тонова из Муром», записанный в летописном Патриаршем списке, но отсутствующий в реестрах из Литовской Метрики. В связи с этим следует привести запись одного пожалования великого князя Литовского Казимира: «Кн(я)зю Митѣку Всеволодичю Онтоново Косог(о) селцо, да Кулибакино селцо, да Минцево село; до воли. Панѣ Довкгирдѣ. Кушлеико»¹⁴⁹. По упоминанию пана Яна Довгирда, пожалование следует датировать 1440–1443 гг. Перечень имен довольно любопытен. Князь Митко Всеволодович — это брат князя Андрея Шутихи, предка князей Мезецких. Кулибака (по-видимому, искаженное Кули-бек) — родоначальник русской дворянской фамилии Кулибакиных (Колюбакиных), а Минца (Минча) — похоже, был предком дворян Давыдовых-Минчаков. В этом ряду предположение о том, что вотчинник с Верхней Оки Антон Косой мог выехать на службу великому князю Московскому и получить земли в Муроме выглядит вполне вероятно, учитывая значение Муромского уезда, как одного из традиционных районов расселения выезжих из Литвы «бояр и слуг».

Степан Денисов сын Неклюдов. Что касается сына боярского С. Д. Неклюдова, то в известных списках пленных Оршанской битвы различий его имени нет. Он содержался в заключении в Дрогичине и умер до 20 октября 1538 г.¹⁵⁰ Согласно позднейшим родословным источникам, Неклюдовы якобы были потомками Григория Неклюда Дмитриевича Бутурлина из рода потомков Ратши. На хронологическую невозможность подобного указывал В. В. Руммель. В опубликованной им родословной Неклюдовых указаны более достоверные сведения о происхождении Неклюдовых: по родословной росписи их предком был Федор Неклюдов, в конце XV в. служивший князю А. Б. Микулинскому¹⁵¹. Родословная Неклюдовых, опубликованная Руммелем и Голубцовым, явно неполная. В ней присутствуют лишь представители «микулинской» ветви фамилии, отмеченные в тверских писцовых материалах середины XVI века¹⁵². Нет в родословной росписи новгородских помещиков Левы (Леонтия) Иванова сына Неклюдова с сыновьями Третьяком и Василием, а также брата Левы, Аксена Иванова сына, владевших поместьями в Устьянском, Налючском и Городенском

погостах Новгородской земли¹⁵³. Нет в росписи и пленника Оршанской битвы С. Д. Неклюдова, неясно также, происходил ли он из «микулинских» или «новгородских» Неклюдовых. Сведения о поместном характере землевладения Федора Неклюдова могут свидетельствовать в пользу того, что род был выезжим, а не местным.

Имеются сведения о землевладении Неклюдовых и в великом княжестве Литовском. В недатированном реестре пожалований (около 1500 г.) в 6-й книге Литовской метрики записан отданный смоленскому боярину Андрею Свиридонову *«дворецъ Неклюдова во Риши»*¹⁵⁴ (то есть в Оршанской волости). Есть также еще одно подтверждение происхождения Неклюдовых из Литвы, по крайней мере, их новгородской ветви. В писцовой книге Деревской пятины 1495/96 г. в Городенском погосте было записано поместье *«за Ивашкомъ за Неклюдовымъ да за его братаничи — за Гридею, да за Федкомъ, да за Сенкою, за Игнатъевыми детми Ожерельева»*¹⁵⁵. Но в середине XV в. в «Книге данин» Казимира также упоминается *«человек»* Ожерелье, живший в сельце Пруды в Вяземском княжестве и служивший князю Сеньку Глинскому¹⁵⁶.

Шестак Павлов сын Вышков. Имя муромца Шестака Павлова сына Вышкова, плененного в Оршанской битве, читается как в летописном «Патриаршем списке», так и в реестрах 1519, 1525 и 1538 гг. из Литовской Метрики. Сведений о муромском роде детей боярских Вышковых практически не сохранилось, их родословная роспись также неизвестна. К третьей четверти XVI столетия относятся сведения о Матвее Вышкове, судя по всему, принадлежавшего к дворовой верухшке муромской военно-служилой корпорации. По описаниям 1566 и 1573/74 гг. за ним был *«белый»* (боярский) двор на посаде в Муроме¹⁵⁷. В XIV–XVI вв. имя Вышеслав в уменьшительной форме *«Вышко»* было характерно для регионов Западной и Юго-Западной Руси. Так в 1388 г. грамоту подольских князей Константина и Федора Корьятовичей засвидетельствовали бояре Вышко Толстый и Вышко Худой. В 1391 г. пан Вышко Толстый выступает также свидетелем в жалованной грамоте Федора Корьятовича пану Гриньку на Соколец¹⁵⁸. В конце XV в. упоминается также имение Вышково в Дрогичинском повете ВКЛ¹⁵⁹. Поэтому, исходя из вышесказанного, полагаем происхождение муромских дворян Вышковых из Волынских или Подольских земель ВКЛ очень вероятным.

Михаил Кикин. По родословному преданию дворяне Кикины были выходцами из Польши¹⁶⁰. Они вели свой род от легендарного Логгина Михайловича Кикина, якобы бывшего «паном радным» у короля Ягайло и выехавшего на службу к великому князю Дмитрию Донскому¹⁶¹. Однако ни Логгин Михайлович, ни его сын Тимофей никаким другим источникам, кроме родословной росписи Кикиных, неизвестны. Первые упоминания о Кикиных в документальных источниках относятся к периоду конца XV — первой четверти XVI вв. Они содержатся в посольских книгах и указывают на выполнение представителями рода Кикиных поручений, связанных с дипломатической деятельностью. Так, Игнат Кикин в октябре 1494 г. упомянут как пристав у литовского посла¹⁶². Забела Кикин в 1509 г. был отправлен посланником в Литву. А в декабре 1526 г. он входил в посольство И. В. Ляцкого в ВКЛ¹⁶³. В Тысячной книге и Дворовой тетради Кикины числятся дворовыми детьми боярскими из Вязьмы¹⁶⁴. Андрей и Иван Даниловы дети и Иван Андреев сын Кикин записаны в «Боярскую книгу» 1556/57 г.¹⁶⁵ Фамилия Кикиных, судя по всему, происходит от литовского имени Кикис или Кикос, в форме «Кикгос» известного по актам Литовской метрики, что подтверждает фамильное предание Кикиных о выезде, правда, из Литвы, а не Польши¹⁶⁶ (аналогичным нам видится происхождение фамилии Дюкин, см. ниже).

Григорий Иванов сын Елизаров. В конце XVII в. представители двух родов Елизаровых подали свои родословные в Палату родословных дел Разрядного приказа¹⁶⁷. Первые Елизаровы без ложной скромности показали себя Чингизидами, а другие совершенно безосновательно (как будет показано ниже) приписались к старомосковскому боярскому роду Гусевых-Елизаровых из рода Редеги. В родословной росписи Елизаровых-«ордынцев» было написано: *«Во дни княжения великого князя Василья Васильевича Темного, егда онъ побежден бысть от Галицкого великого князя и приидоша к нему на оборонение два царевича Егуи да Кайсыи и спомогаше в воинстве великому князю на супостат его и прият бысть чесна и един Егуи крещен бысть, а во крещении имя ему Василий и у него сын Елизар, а у Елизара Васильевича сын Михайло и нача именоваться Елизаров, а у Михайла сын Игнатей, а у Игнатья Михайловича дети Борис бездетен, Семен, Иван бездетен...»*¹⁶⁸.

Эта роспись хронологически явно сомнительна, поскольку жившего в середине XV в. сына хана Улу-Мухаммеда от его якобы праправнуков, живших в конце XV в., разделяет всего-навсего полстолетия. Неудивительно, что сведения родовой легенды Елизаровых о крещении царевича Якуба и о его мнимом потомстве не подтверждаются другими источниками. Однако человек по имени Игнат Елизаров, живший во второй половине XV в., зафиксирован документальным источником. Разумеется, это был никакой не потомок Чингиз-хана, а конный слуга Игнат Елков (Елко — уменьшительная форма имени Елизар) в волости Болваничи Смоленского наместничества ВКЛ¹⁶⁹. Его отцом мог быть смоленский служилый человек Елко (Елизар), которому около 1441 г. великим князем Казимиром было пожаловано село Искрино¹⁷⁰. Судя по всему, сыновья и внуки Игната Елкова (Елизарова) записаны среди конных слуг Еленской волости в реестре смоленских служилых людей из Литовской метрики (около 1492 г.): «*Игнатовых детей: Сеня, а сынъ его Фома, Ольфор, а сынъ его Василь, Халчъ, Миша; а Онътонъ Василевъ сынъ*»¹⁷¹. Старший сын Игната, Борис, по всей видимости, первым из Игнатовичей перешел на московскую службу. Согласно родословной росписи, в период 1485–1505 гг. он был великокняжеским наместником в Гороховце¹⁷². Оршанский пленник Григорий Елизаров, скорее всего, был племянником Бориса Елизарова, сыном Ивана Игнатьевича, показанного в родословной росписи бездетным.

Елизар Иванов сын Головин Елизарова. Происхождение этого сына боярского «из Мурома» позволяет определить запись его имени в реестре 1538 г. — «*Олизар Иванов сын Головин*». В реестрах 1519 и 1525 гг. он отмечен просто как «*Елизар Иванович, умерший в Слониме до сентября 1525 г.*». Отцом Елизара был дворовой сын боярский из Мурома Иван Голова Федоров сын Елизаров. В 1511/12 г. Иван Федоров сын Елизаров «в брата своего место Головино» производил разъезд земель в Дубровском стане Муромского уезда¹⁷³. В 1515 г. Иван Голова Елизаров указан как посол в Астрахань¹⁷⁴. В 1516/1517 г. братья Иван и Голова Федоровичи Елизаровы были на разъезде земель в Дубровском стане Муромского уезда¹⁷⁵. 6 января 1521 г. Иван и Андрей Федоровичи Елизаровы дали вкладом в Троице-Сергиев монастырь по брате Иване 50 руб.¹⁷⁶ Правая грамота суда по тяжбе о земле возле с. Глядятцкого в Дубровском стане Муромского уезда, датируемая апрелем

1521 г. упоминает других представителей этого рода: судьей выступал Матвей Васильев сын Елизаров, истцом — Иван Яковлев сын Елизаров, а «судным мужем» — Андрей Федоров сын Елизаров, младший брат Ивана Головы. Из грамоты также становится известно, что отца Ивана звали Яков Васильев сын, и какое-то время он был владельцем села Глядятцкого¹⁷⁷. В указной грамоте великого князя Василия Ивановича от 7 октября 1525 г. снова упоминается Иван Яковлев сын Елизаров, причем с весьма характерным прозвищем «Пан», где он продолжает тягаться с троицкими старцами за бывшее имение своего отца село Глядятцкое¹⁷⁸.

По документам и записям в синодиках устанавливается, что этот род муромских детей боярских происходил из смоленских бояр, выехавших на московскую службу в конце XV в., а в середине XVII в. приписавшихся к вымершему в конце XVI в. старомосковскому роду Елизаровых-Гусевых из рода потомков Редеги. Предком Елизаровых («псевдо-Гусевых») мог быть смоленский боярин Олизар Антонович, упомянутый в «Книге данин» Казимира¹⁷⁹. У Олизара, по всей видимости, был сын Василий, а у того — трое сыновей: Яков, Василий и Федор. Яков Олизаров во второй половине XV в. неоднократно упоминается в актах Литовской метрики¹⁸⁰. Брат Якова Василий в августе 1491 г. был великокняжеским наместником в Муроме¹⁸¹. В поздних выписях из челобитных потомков Василия Елизарова читается, что ряд владений в Муроме «купил пращур их Василий Васильевич Елизаров у Ефима, да у Матвея, да у Максима Афанасьевых детей Коленова»¹⁸², причем весьма вероятно, что Коленовы также происходили из Литвы¹⁸³. Третьим братом Якова и Василия, судя по всему, был Федор, отец Ивана, Ивана Головы и Андрея Елизаровых, и дед оршанского пленника Елизара Иванова сына Головина.

Ратай Иванов сын Ширяев Емельянова. В реестрах «вязней» Оршанской битвы из Литовской метрики записан «постелник великого князя» Ратай Иванов сын Ширяев Емельянова, скончавшийся в Слониме до сентября 1525 г.¹⁸⁴ Другим источникам имя этого сына боярского неизвестно. Но как показали в своей работе М. Бенцианов и А. Лобин, к числу пленников «великой битвы» Ратай Емельянов был причислен неоправданно. Он действительно был взят в плен под Оршей, но еще за 5 месяцев до Оршанской битвы, в конце мая 1514 г.¹⁸⁵ И если Ратай

Ширяев Емельянов собственно московским документам неизвестен, то имеются сведения о другом человеке с фамилией Емельянов (Омельянов). В разряде свадьбы князя В. Д. Холмского и великой княжны Феодосии в феврале 1500 г. среди детей боярских, кому надлежало находиться в поезде князя В. Д. Холмского, записан Олябей Емельянов, что указывает на его принадлежность к великокняжескому двору¹⁸⁶.

Олябей (Алябья) Емельянов — родоначальник известного дворянского рода Алябьевых. Его сын Савин Олябьев в январе 1507 г. был послухом в поземельном акте в Каменском стане Бежецкого уезда¹⁸⁷. В сентябре 1537 г. Савин был приставом у ногайских послов и сопровождал их до Москвы¹⁸⁸. В декабре 1537–1538 г. он возглавлял посольство в Литву, причем в посольской книге назван Савином Михайловым сыном Омельяновым¹⁸⁹. Согласно семейным преданиям, Алябьевы произошли от некоего Александра, выехавшего из Польши при великом князе Василии Ивановиче. В действительности Михаил Олябей Емельянов уже в 1500 г. присутствовал на свадьбе князя Холмского и, следовательно, выехал до этой даты. К тому же прибыл родоначальник Алябьевых не из Польши, а, очевидно, из Смоленска, где в конце XV в. упоминаются представители местного боярского рода Омельяновых (Омельяновичей). Так, в реестре великокняжеских пожалований *«смольнянам»* 14 октября 1489 г. указано, что Мишке Омельянову было дано *«врочное серебро на Катане»* и жеребенок¹⁹⁰. В реестре смоленских служилых людей записаны бояре братья Володко и Яков Омельяновичи¹⁹¹. Возможно, их родственник Иван Омельянов упомянут как dospешный слуга Вержавского пути *«за Днепром»*¹⁹².

Иван Иванов Бурцев сын Алексеева Дюкина. Лаконичная запись *«Иван Бурцов»* в летописном «Патриаршем списке» создает определенные трудности в отождествлении этого сына боярского. Судя по записи в верхней части списка, речь может идти о сыне новгородского помещика Ивана Бурца Алексева сына Дюкина. Иван Бурец владел небольшими поместьями (всего 24 обжи пахотной земли) в Деревской пятине Новгородской земли в долях со своим племянником (*«сестричичем»*) Васюком Микитиным сыном Ефимьевым¹⁹³. Также в Деревской пятине были испомещены его родственники. За Ляхом Дюкиным с сыновьями Иваном, Третьяком и Гридею в трех погостах было поместье в 48 обеж пахотной земли¹⁹⁴. В Демонском присуде в Полоновском

погосте помещьем (34 обжи пахотной земли) владел Иван Дюкин с сыновьями Некрасом и Ивашкой¹⁹⁵. Похоже, что Лях и Иван Дюкины были братьями, а Иван Бурец — их племянником. Характерные фамилия Дюкин и имя Лях говорят сами за себя.

Происхождение Дюкиных определяется благодаря записи одного пожалования короля Казимира: «*Самъ корол[ь]. У Красномъ Селе землица пустая Дюкгови — Новалитки, занюж на его земли Красное перенесли. Инъдик[т]ъ 12*»¹⁹⁶. По индикту 12 эта «данина» в волости Красное Село Минского повета может быть датирована 1449 либо 1464 гг. Форма записи имени «Дюкг» (Дюкос или Дюкис) говорит о балтском происхождении носителя имени. Характерно, что в том же Красном Селе под тем же индиктом 12 записаны «данины» Михаилу Корсаковичу — будущему соседу Дюкиных по Деревской пятине Новгородской земли. Иван Бурец Алексеев сын Дюкин единственным из Дюкиных упоминается в источниках в качестве дворового сына боярского: в феврале 1500 г. он в соответствии с разрядом свадьбы князя В. Д. Холмского и великой княжны Феодосии Ивановны, числился среди детей боярских, которые должны были «*ходить у саней*» великой княгини Софьи Фоминичны¹⁹⁷. Вероятно, сын Ивана Бурца умер в плену молодым, не оставив потомства, так как в начале 1540-х гг. бывшее поместье И. А. Бурца Дюкина числилось уже за другими владельцами.

Афанасий Андреев сын Хрипунов. Его отец Андрей Хрипун в конце XV в. был испомещен в Посонском и Жабинском погостах Деревской пятины Новгородской земли¹⁹⁸. В Посонском же погосте имел отдельное поместье и старший сын Андрея Климентий¹⁹⁹. В писцовой книге Торопецкого уезда 1539/40–1540/41 гг. среди боярских дворов на посаде г. Торопца записан и «*двор Посадника Лопухина да Некраса Хрипунова*»²⁰⁰. Некрас Хрипунов — это еще один из сыновей Андрея Хрипуна²⁰¹. Городские «*боярские*» дворы находились в совместном владении, как правило, у близких родственников, что хорошо заметно при анализе писцовых книг. На этом основании позволим себе выдвинуть версию о близком родстве Хрипуновых с родом Лопухиных, к которому, по всей видимости, также принадлежал и Андрей Хрипун.

В Коломенском погосте Деревской пятины по писцовой книге 1495/96 г. было поместье за Ивашкой Трубицей, Григорием, Тимофеем, Игнатом, Яковом и Григорием Меньшим Алферьевыми детьми Лопу-

хина²⁰². В Вельевском погосте той же Деревской пятины писцовая книга отмечает поместье другой семьи Лопухиных: бывшими деревнями новгородских бояр Молоствовых владели братья Ивашко, Васко и Копоть Матвеевы дети Лопухина²⁰³. Трое других братьев Матвеевичей: Ефим, Илья и Федко — были испомещены в волости Демон Деревской пятины²⁰⁴. В «Тысячную книгу» попал лишь один из Лопухиных — Гриша Тимофеев сын, новгородский сын боярский второй статьи, дворовой из Коломенского погоста Деревской пятины, внук Алферия Лопухина²⁰⁵. Лопухины вели свое родословие от потомков легендарного Редеги, старомосковских бояр Сорокоумовых-Глебовых, а именно — от Василия Лопухи Лаптева сына. Н.П. Лихачев резонно полагал, что Лопухины не имели родственного отношения к Сорокоумовым-Глебовым²⁰⁶. Судя по всему, Лопухины происходили из Слонимской шляхты ВКЛ. Так, согласно акту от 12 апреля 1513 г., Федец Станкович и Юшко Довнар-ович Лопухи «с братьею» доказывали свое шляхетское происхождение и право не платить «серебщину»²⁰⁷. К слову, наличие бывших шляхтичей из Слонимского повета ВКЛ на новгородских поместьях не может считаться уникальным явлением. Так, в те же годы в Вельевском и Еглинском погостах Деревской пятины Новгородской земли помещиками были Андрей и Некрас Порецкие — выездные паны из того же самого Слонимского повета, владевшие в Литве имением Поречье²⁰⁸.

Иван Семенов сын Супонев Брюхова. В реестрах 1519 и 1525 г. этот пленник, содержащийся в Мельнике, записан как «Иван Семенов сын Брюхов», только реестр 1538 г. дает чтение «Супонев»²⁰⁹. Таким образом, запись говорит о представителе довольно значительного в XVII в. дворянского рода Супоневых.

Обстоятельный рассказ А.А. Зимина о Супоневых и их знаменитом разрядно-родословном сборнике избавляет от необходимости подробно останавливаться на красочной родословной легенде Супоневых о якобы выехавшем «из Прус» 1281 г. «енералисимусе» (sic!) Густаве Супе и других предках королевских кровей, путешествовавших по всей Европе²¹⁰. Впервые в источниках Супоневы упоминаются в писцовой книге Водской пятины Новгородской земли 1499/1500 г. В Ижорском погосте был испомещен Андрей Супонев с сыновьями Василием, Федором, Тимофеем и Левою²¹¹. Внуком Андрея Супонева был «тысячник» второй статьи из Ижорского погоста Водской пятины Иван Васильев сын Супонев²¹².

Как полагал А. А. Зимин, Супоневы происходили из боярских послужильцев, испомещенных в Вотской пятине. На это может указывать и фамилия Супоневых — от слова «супонь», часть конского убрания. Однако в первой половине XVI в. Супоневы упоминаются и за пределами Новгородских пятин. Например, Федор (Фетко) Васильев сын Супонев согласно сведениям указной грамоты великого князя Ивана Васильевича, датированной 25 января 1537 г., был костромским вотчинником²¹³. Служивший по Галичу Федор Васильев сын Супонев также известен по разрядам 1528–1543 гг.²¹⁴ В Дворовой тетради его имя стоит во главе списка дворовых детей боярских из Галича с пометой «*Стар и болен. Почернен*»²¹⁵. Судя по всему, костромской вотчинник Ф. В. Супонев не был прямым потомком новгородского помещика Андрея Супонева. К галицко-костромской ветви Супоневых, видимо, принадлежал и пленник Оршанской битвы Иван Семенов сын Супонев Брюхова. Несмотря на позднюю легенду с фантастическими «подробностями», нельзя на данном основании отвергать саму возможность выезда предка служилого рода. Похоже, что Супоневы могли происходить из Литвы, на что указывает название пустоши Супонинщина в Новогрудском повете, упомянутой в пожаловании короля Александра служилым татарам братьям Темешу и Левку Кенковичам 16 марта 1502 г.²¹⁶

Иван Федоров сын Микулин. «Вязнем» Оршанской битвы был Иван Федоров сын Микулин, заключенный в Мельнике и там же умерший до 20 октября 1538 г.²¹⁷ М. М. Кром писал о существовании рода смоленских бояр Микулиных, к которому, по всей видимости, и принадлежал Иван Микулин²¹⁸. Действительно, в реестре смоленских служилых людей около 1492 г. записано: «*Микулиных сыновъ, 3: Гридько, Федько, Ивашько*». Один из братьев Микулиных, Федор, может быть отождествлен с отцом «*вязня*» Ивана Микулина²¹⁹. Также возможно, что Иван Микулин принадлежал к служилому роду более низкого статуса: он мог быть сыном щитного слуги Вержавского пути Федора Микулина сына²²⁰.

Андрей Васильев сын Онисков. В реестрах «вязней московских» упомянут сын боярский Андрей Васильев сын Онисков, содержащийся в Мельнике и умерший до сентября 1525 г. В своем издании реестров А. В. Антонов и М. М. Кром идентифицировали его как Андрея Васильева сына Аничкова²²¹. Мы не можем согласиться с такой

идентификацией, так как писцы реестров довольно четко отличали Андрея Онискова от Андрея Оничкова (Аничкова), сидевшего в Ковно и умершего до 20 октября 1538 г.²²² Кроме того, фамильное прозвание Онисков происходит от уменьшительной формы мужского имени Анисим (Онисим), в то время как фамилия Аничков — от уменьшительной формы имени Иоанникий. В 1500 г. в Можайском уезде упомянут судный муж Ониско Есипов сын, но вряд ли он был родственником (дедом) мельницкого пленника Андрея Онискова²²³. Упоминание служилого человека именно с такой формой имени Анисим, жившего в середине XV в., имеется в Книге пожалований короля и великого князя Казимира в 3-й книге Литовской метрики. Краткая запись говорит о том, что некоему Ониску (вероятно, из смоленских бояр) около 1440 г. был пожалован Бережок²²⁴. Скорее всего, на умершем в плену Андрее Васильеве сыне Онискове этот род и пресекался.

Андрей Оничков сын. В Ковно, судя по записям реестров из Литовской метрики, содержался сын боярский Андрей Оничков (Аничков), который там же и умер до 20 октября 1538 г.²²⁵ По сведениям писцовой книги 1495/96 г., в волости Демон Деревской пятины помещиками были две семьи Оничковых: Андрей, Илья, Иван Васильевы дети²²⁶, а также Василий, Андрей, Ивашко Блоха, Глеб Ивановы дети²²⁷. Кто из двух Андреев попал в плен при Орше, Васильевич или Иванович — не ясно. По позднему родословному преданию, в 1301 г. некий потомок татарского хана Берка (Беркай), царевич Большой Орды, поступил на службу к Ивану Калите. В Москве он якобы был крещен с именем Оникей (Иоаникий), женился на дочери Микулы Воронцова (sic!), и его потомки приняли фамилию Аничковы²²⁸.

Как показывает изучение источников не родословного характера, во многих случаях происхождение «из Орды», зафиксированное в родословной легенде, на поверку оказывается мифом, хотя род, как правило, действительно был выезжим. Похоже, нечто подобное имеем и в случае Аничковых. Нет никаких сведений об их пребывании в Северо-Восточной Руси до 3-й четверти XV в. Вероятно, настоящим предком Аничковых был могилевский боярин Оникий, упомянутый в актовом материале Литовской метрики. В 1446 г. его бывшее держание в Могилеве было пожаловано брату троцкого тиуна Михна Ивановича Подбийпяты: «*Подбийпятину брату у Могилеве земля пустая,*

што Оникии держалъ; а ему с тое земли платъ давати. Самъ великий княз и Сачко, маршалокъ. Инъдик(т) 9»²²⁹. Не исключено, что владение Оникия запустело из-за его отъезда на московскую службу. Сыном выезжего могилевского боярина Оникия мог быть Михаил Оничков, в 1474–78 г. послух в одной меновной грамоте в Каменском стане Дмитровского уезда. Интересно, что грамоту писал сын Михаила Дмитрий (Митук), но в родословной росписи Михаил Оничков показан правнуком мифического «царевича» Берки, умершим бездетным²³⁰.

Сушко Борздилов сын. Несомненным выходцем из ВКЛ был Сушко Борздилов, записанный в реестре 1538 г. в числе пленников, содержащихся в Мельнике. Вероятно, его родственник (брат?) Василь Борздилович упоминался как свидетель в судебной справе за треть имения Поречье в Слонимском повете, датированной 22 января 1495 г.²³¹ Кроме того, некий Борздило «с его детьми», согласно акту от 15 декабря 1504 г., был дякольным слугой пана Федка Мелешковича в Городенском повете²³².

Давид Семенов сын Мокеев. В переписной оброчной книге Водской пятины Новгородской земли упоминаются «Тимошка и Васюк Сенкины дети Мокеева», испомещенные после 1500 г. в Егорьевском Лужском и Дмитриевском Гдитском погостах²³³. Судя по всему, Тимофей и Василий Мокеевы были родными братьями пленника Оршанской битвы Давида Мокеева, умершего в Берестье до 14 сентября 1525 г.²³⁴ Полагаем, что все трое были сыновьями Семена Мокеева сына, щитного слуги Дубровенского пути Смоленского наместничества ВКЛ²³⁵.

Иван Назимов сын. Согласно родословной дворян Назимовых, их предком был некий Глеб Назимов Гусев, выехавший из Польши к великому князю Московскому Василию Дмитриевичу. Внуками упомянутого Глеба родословие называет Ивана и Бориса Михайловых детей Назимова, отмечая, что «Иван был бездетен»²³⁶. Сведения семейного предания в части выезда предка Назимовых с Западнорусских земель находят свое подтверждение в «Книге данин Казимира» из Литовской метрики. В записи об одном из великокняжеских пожалований 1440-х гг. упоминается «слободка Насимова», отданная во владение некоему Осташку²³⁷.

Елизар Иванов сын Бритого Отрепьева. В летописном «Патриаршем списке» записан «Елиезар Иванович Брытый Отрупьев»,

возле имени которого стоит помета «*[из] Костромы*». В реестрах 1519 и 1525 г. из Литовской метрики он упомянут просто как «*Елизар Иванов сын*», умерший в Городне уже ко времени составления реестра 1519 г.¹²⁸ Согласно родословной легенде, Отрепьевы, как и их однородцы Нелидовы и Фарисеевы, происходили от выходца из Польши, некоего Владислава Нелидовского, якобы выехавшего к великому князю Дмитрию Донскому в свите князя Дмитрия Ольгердовича²³⁹.

Если верно уточнение «Патриаршего списка», то Отрепьевы могли происходить из смоленских бояр. В реестре «Князи и бояре смоленские» читается: «*Иванъ Бритыи, а сыновъ его два: Ивашко, Омельянь*»²⁴⁰. Согласно привилею, выданному 20 мая 1497 г. великим князем Александром Казимировичем смоленскому окольному Ивану Кошке, последний в свое время купил у смоленских бояр Андрея, Семена, Ивашки, Михаила и Тимофея Бритых их вотчинное село Нафанаевское «*вечно*»²⁴¹. По всей видимости, Елизар Иванов сын Бритый Отрепьев был сыном смоленского боярина Ивана Бритого, носившего прозвище «*Отрепье*». По Дворовой тетради дети боярские Третьяк с сыном Замятней, Игнатий и Иван Ивановы дети Отрепьева служили уже из Боровска²⁴².

Василий Афанасьев сын Дудуков. М. Бенцианову и А. Лобину не удалось идентифицировать «*Василия Дедекова Опанасова*», возле имени которого стоит помета «*з Новагорода*»²⁴³. Полагаем, что речь идет о литовском выходце, сыне «*господарского слуги*» Офанаса Дудки, упоминаемого в привилее короля Александра Казимировича, датированного 27 января 1505 г. на ключ Городенский²⁴⁴. По всей видимости, у сына «*господарского слуги*» Офанаса Дудки потомства в Московском государстве не осталось. Упоминаемые в XVII в. дворяне Деденковы были потомками другого выходца из Литвы — смоленского боярина Суморока Дудина по прозвищу «*Дуденок*» или «*Деденок*».

Кузьма Яковлев сын Редкин. Сын боярский Кузьма Яковлев сын Редкин «*з Волока Ламьского*» значитя и в летописном «Патриаршем списке», и в реестрах 1519, 1525 и 1538 гг. из Литовской метрики. Род Редкиных (также Реткины, или Реткинские) происходил из Смоленска. В реестре «Князи и бояре смоленские» из Литовской метрики (около 1492 г.) были записаны четыре брата Редкиных: Гришко, Борис, Семен и Яков²⁴⁵. Первым из братьев на московскую службу, по всей

видимости, перебрался Яков. Его землевладение прослеживается по волоцким актам XVI в. На землях Издетемьского стана Волоцкого уезда им было поставлено сельцо Реткино (Ретькино), по названию которого потомки Якова писались не только Редкиными, но и Реткинскими (Ретькинскими). Сын Якова Василий Лапша выступает послушником в земельном акте 1514–1515 г. в Волоцком уезде²⁴⁶. В 1520–1521 г. он купил в Издетемьском стане деревню и пустошь²⁴⁷.

У Василия Лапши были сыновья Иван Пичка, Никита и Кузьма, упомянутые в актах 1547–1548 г.²⁴⁸ Их братом, по-видимому, был монастырский слуга Дмитрий Лапшин, служивший Иосифо-Волоцкому монастырю²⁴⁹. В платежной книге Деревской пятины 1542/43 г. записаны четыре брата Редкиных: «*ноугороцкие помещики*» Феофан Лобан, Илья, Никита и Тихон Ивановы дети. Родственные связи их отца пока неясны²⁵⁰. Интересно, что в Дворовой тетради Редкины проходят под двумя разными фамилиями. Из Медыни служил дворовой «*литвин*» Андрей Федоров сын Ретькина, вероятно, потомок одного из братьев Якова Редкина²⁵¹, а Иванец Дмитриев сын и его сын Тимошка Лапшины — «*литва дворовая*» из Ярославля²⁵². Потомки Якова Редкина в «Списке 100-го года» записаны городовыми детьми боярскими по Волоку с фамилией «Редькинские»²⁵³.

Иван Мелехов (или Ивашнин) сын Рогов. В реестре 1538 г. записан «*Иван Роговец з Рославля сын боярский*»²⁵⁴. Как полагают М. Бенцианов и А. Лобин, «*только после захвата Рославля и формирования Рославльского уезда мог перейти на русскую службу роговец И. Роговец*»²⁵⁵.

О времени взятия Рославля и присоединения к московским владениям Рославльской волости прямых сведений источников нет. В Устюжской летописи значит, что «*град*» Рославль был взят псковским отрядом зимой 1515 г., но это неточность, и речь идёт о Браславле (как указано в Псковской летописи). В Новгородской Четвёртой летописи под 7024 (1515/16) г. записано: «*...князь велики Василеи Ивановичь всея Роуси велел срубити литовьскои город взятои Рославль; а которые люди роубили город, и на тех приходили литовьские люди, а наши иных побили, а иных поимали*»²⁵⁶. Можно предположить, что город был взят и разрушен во время Смоленских походов 1512–1514 гг., и из-за масштаба тех событий источники не заметили

данный эпизод. Но как раз масштаб и значение Смоленских походов привлекали к событиям повышенное внимание, и мы имеем относительно подробную информацию о них. И странным будет выглядеть то обстоятельство, что после Смоленского взятия не меньше года тянули с укреплением города, поэтому взятие Рославля трудно отнести ранее, чем к 1515 г. (возможно, в Устюжском летописце были смешаны сведения о локальной операции по атаке на Браславль из Пскова и такой же локальной операции и примерно в то же время, например, из Смоленска на Рославль). В любом случае рославльская корпорация не могла возникнуть ранее восстановления города. Следуя этим выводам, Иван «Роговец» не мог быть пленен в Оршанской битве.

Полагаем, что прозвище «Роговец» в данном случае говорит не об уроженце населенного пункта с названием Рогов или Рогово, а о принадлежности Ивана к роду смоленских бояр Роговых. В качестве примера подобного же варьирования фамильного прозвища можно привести вариант написания одного из представителей рода смоленских бояр Бахаревых в реестре служилых людей (около 1492 г.) — Митько «Бахаревец» (см. ниже). В смоленском реестре записано: «Мелеха Рогова три сыны: Федько Морщица, Нестер, Ивашько у поделе. Ивашня Рогова чотыры сыны не въ поделе молодцы: Клиша, Федько, Ивашько, Гришъко»²⁵⁷. Соответственно, «Иваном Роговцем» мог быть назван как сын Мелеха Рогова, так и сын его родственника Ивашни.

Елевферий Петров сын Ловчиков. В «Патриаршем списке» и реестрах 1519 и 1525 гг. записан сын боярский «Олифер Петров сын Ловчезо», сидевший в плену в Городно. Очевидно, речь идет о брате Дмитрия Петрова сына Ловчего. Дмитрий Ловчего, инок Филипп, поминается в древнейшем синодике Иосифо-Волоколамского монастыря, где также сообщается, что на свое кормовое поминовение Дмитрий дал в монастырь 50 рублей²⁵⁸. Его сыном был Григорий Ловчиков, известный опричный деятель времен правления Ивана Грозного²⁶⁹. В отличие от брата Олифер (Елевферий) Ловчего в других источниках, кроме списков пленных, не упоминается. Согласно семейному преданию, Ловчиковы были выезджим родом: «Выехали из Литвы, название приняли от одного из предков их, называвшегося Станислав Ловчик»²⁶⁰. Интересно, что сведения родовой легенды, касающиеся реальности существования Станислава «Ловчика», находят свое подтверждение в актах

Литовской Метрики. Так, в июле 1499 г. пан Станислав, «пана Янов сын ловчого» получил от великого князя Александра Казимировича подтверждение на имения отца в Любошанской волости²⁶¹. Отец Станислава, великокняжеский ловчий пан Ян Мишкович в 1486–1488 гг. был дважды пожалован королем Казимиром правом на взимание денежных пошлин²⁶².

Таким образом, не исключено, что семейное предание в какой-то мере отражало реальную историю: сын королевского ловчего вполне мог носить прозвище «Ловчик», он сам или его сыновья выехали на московскую службу, а имя Петр Станислав Янович Мишкович получил при переходе в православие. Следует также добавить, что А. Корзинин, исследующий состав двора великого князя Ивана III, в числе великокняжеских ловчих упоминает только Г. М. Перфушкова и князя И. В. Небогатого Голибесовского, ловчий по имени Петр источникам неизвестен²⁶³.

Кузьма Иванов сын Чертов, Федор Иванов сын Чертов. И. Б. Михайлова полагала, что пленники Оршанской битвы Кузьма и Федор Чертовы был селецкими митрополичьими детьми боярскими, то есть происходившими из рода Стромиловых-Шолоховых-Чертовых²⁶⁴. Как показали М. Бенцианов и А. Лобин, братья Кузьма и Федор Ивановы дети Чертовы владели поместьями в Водской пятине Новгородской земли. В 1538/39 г. совместным поместьем владели в Никольском Ижорском погосте их сыновья Степан Кузьмин и Иван Федоровы Чертовы²⁶⁵.

Похоже, что «*ноугороцкие помещики*» Чертовы не имели отношения к роду митрополичьих бояр и слуг Шолоховых-Чертовых. Род служилых землевладельцев Чертовых существовал и в великом княжестве Литовском. В середине XV в. пожалование на бывшие владения беглого клецкого боярина Ромейки Борютевича получил Яцко Чертович²⁶⁶. 14 октября 1489 г. в «*отправе смольнянам*» упоминается пожалование «*ловчего*» смоленским боярам Ваську Чертову и Тиньку Синцову, а в смоленском реестре среди бояр «*Вержанского пути*» вместе с Василием Чертовым записан его брат Ивашко²⁶⁷. В недатированном реестре пожалований (около 1500 г.) в 6-й книге Литовской метрики читается: «*Федку, конюшому витебьскому, дано Ивашково Чортова*»²⁶⁸. Судя по всему, в этом реестре записаны «данины» на бывшие владения в Оршанской волости лиц, отъехавших на службу великому князю

Московскому. Таким образом, весьма вероятно, что братья Кузьма и Федор Чертовы были сыновьями «*боярина рошского*» Ивашки Чертова, перешедшего на московскую службу в конце 1490-х гг.

Сидор Захаров сын Кишкин. Согласно родовой легенде, Кишкины были потомками некоего Асенбега Кишки, выехавшего из Польши на московскую службу. В конце XV в. источники упоминают Кишкиных как новгородских помещиков. Согласно переписной оброчной книге Деревской пятины, за Ушаком Первого сына Кишкина числилось поместье в Локотском и Ситенском погостах. Там же были испомещены и его племянники Малашко (Малофей) и Сидорик Захаровы дети Первого сына Кишкина²⁶⁹. Сведения актов Литовской Метрики дают основания полагать, что род Кишкиных действительно был выезджим, но происходил не от легендарного польского шляхтича Асенбега, а от панцирных слуг Смоленского наместничества ВКЛ. Так, «*вырок*», датированный 15 сентября 1508 г. упоминает смоленских панцирных людей Василия Нефедовича и Никифора Максимовича Кишкиных, судившихся с мещанином Левом Величковичем, который «*неправильно выпросил их за псарцов*»²⁷⁰.

Фома Кривого сын Бахарев. «*Фома Бяхов сын Кривого*» упомянут только в «Патриаршем списке» с пометой «*из Мурома*», в реестрах из Литовской метрики его имя отсутствует²⁷¹. Дворянский род Бяховых, либо Баховых в XVI–XVII вв. в Московском государстве неизвестен. Однако по актам Литовской метрики известна фамилия «*смольнян*» Бахаревых. В подтверждении 6 января 1497 г. великого князя Литовского Александра Казимировича смоленскому боярину Сеньку Тереховичу упоминается село «*смольнянина*» Хоты (Фатьяна) Олексина сына Бахарева²⁷². Около 1492 г. в смоленском реестре записано имя боярина Митька Бахаревца²⁷³. Нет ничего невероятного и в службе из Муромского уезда выезджего «*смольнянина*» Фомы Бахарева (чья фамилия, по всей видимости, была искажена при переписке реестров), учитывая наличие в Муромской военно-служилой корпорации немало числа потомков выходцев из ВКЛ.

Евсиган Исаков сын Лавров. «*Егай Лавров сын*», упоминаемый в Патриаршем списке, может быть отождествлен с одним из сыновей смоленского боярина Исака Лаврова: «*Исаковых дети Лаврова чотыри сыны не в поделе: Василеи, Ивашко, Мишъко, Евсиганъ*»²⁷⁴.

Александр Степанов сын Хлюпин Аринкин. В летописном «Патриаршем списке» записан некий «*Олеша Онкин сын*»²⁷⁵. Обращение к реестрам из Литовской метрики показывает, что речь идет об Александре Степанове сыне Аринкине. В 1519 г. он сидел в Мельнике, до сентября 1525 г. был переведен в Швинтяны²⁷⁶. Согласно родословной росписи Уваровых, поданной 12 октября 1686 г. в Палату родословных дел разрядного приказа, предком рода Аринкиных якобы был сын выехавшего из Большой Орды татарского мурзы Минчака Оркан по прозвищу «*Оринка*»²⁷⁷. Как и у многих других родов русских дворян «ордынского» происхождения, родовая легенда Аринкиных искажает действительность в плане подробностей о мифических прародителях из числа татарских мурз, но определенно сохраняет память о самом факте выезда предков на службу в Москву. В случае Аринкиных их настоящее происхождение устанавливается благодаря судебному «*выроку*» из актов Литовской метрики, датированному 16 февраля 1499 г. Как сообщается в списке документа, за право владения сельцом Даниловским судились «*бояре смоленские*», братья Петр и Ивашко Стецковичи (Степановичи) Хлюпины («*Хлюпиничи*») с князем Богданом Боровским-Глинским. Братья Хлюпины предоставили «*судовый лист*» пана Семена Гедигодовича, согласно которому еще при короле Казимире спорное сельцо было присуждено бабке братьев Хлюпиных Орине, и выиграли процесс²⁷⁸.

Предком рода Хлюпиных-Оринкиных, таким образом, на самом деле был не легендарный мурза-ордынец, а вполне реальный смоленский боярин Иван Хлюпа, известный по пожалованиям ему Снопота в Деменской волости и сельца Лодыжки, записанным в «Книге данин» великого князя Литовского Казимира²⁷⁹. Его сыном был смоленский же боярин Степан (Стецко) Иванович (отец братьев Петра, Ивана и Александра «*Оринкиных*»), которому 8 марта 1490 г. было записано 5 коп грошей со смоленского мыта²⁸⁰. Подробности перехода представителей этого рода на московскую службу точно неизвестны, а во второй половине XVI в. Хлюпины и Оринкины были помещиками в Каширском уезде, со своих каширских поместий они несли военную службу²⁸¹.

Василий Здешковский. Следует согласиться с предположением М. Бенцианова и А. Лобина об отождествлении Василия «*Одешкова*»

из летописного «Патриаршего списка» с Василием Здешковским, вероятным отцом Алешки и Ивана Здешковских, «литвы дворовой» из Медыни²⁸². По мнению В. Б. Кобриня, Здешковские были бывшими владельцами села Издешково в Вяземском княжестве²⁸³.

Иван Дмитриев сын Котлов. Авторам статьи о структуре русской армии в битве при Орше не удалось идентифицировать присутствующего только в «Патриаршем списке» суздальского сына боярского Ивана Дмитриева сына Котлова, фамилия которого, по мнению авторов испорчена²⁸⁴. Полагаем, что фамилия вышеупомянутого сына боярского указана источником правильно, а служилый человек с прозвищем Котел действительно упоминается в документах. В «Книге данин» Казимира записано пожалование волынским боярам, которое следует датировать 1440–43 г.: «У Кременци. Котлу, Лопасову брату, Залестье а Смыков, да Комаринъ; перво деи за нимъ жо было, при кн(я) зи Жикгимонъте. Довкгирдъ, Юрша»²⁸⁵. Среди родов детей боярских уездов Северо-Восточной Руси были и те, чьи предки выехали с земель бывшего Галицко-Волынского княжества: князья Несвицкие и Збарецкие, дворяне Волынские, Волынцовы, Линевы, Мауриновы, Чаплины, возможно, Вышковы, Люткины, Палицыны, некоторые другие. Присутствие потомка кременецкого боярина в числе московских «вязней» не выглядит чем-то необычным для того времени.

Денисов сын Щекина. В «Патриаршем списке» записан неизвестный по имени «Денисов сын Щекина» с пометой «из Коломля», что, вероятно, подразумевает коломенского сына боярского. Он принадлежал к роду дворян Протасовых, считавшихся потомками мценского воеводы Григория Протасьева²⁸⁶. Его отцом был дворовой сын боярский Денис Щекин сын Протасов, а дядей — дьяк Русин Щекин Протасов, известные по упоминаниям в посольских книгах великого княжества Московского²⁸⁷. Не исключено, что дворяне Протасовы и Протасовы-Щекины на самом деле были не потомками знаменитого мценского воеводы, а являлись ветвью рода смоленских бояр Протасовичей, упоминаемых в книгах Литовской метрики в 1480-х гг.²⁸⁸ На происхождение «коломнитингов» Щекиных может указывать название сельца Щекино в Опакове на Верхней Оке, упоминаемого в привилее 19 января 1495 г. пану Ивашке Сапеге на выменянные им у брата Василия имения²⁸⁹.

Кондратий Никитин сын Юров. В летописном «Патриаршем списке» упоминается «*Кондрат Микитин сын Урова Любочинина*», при этом возле его имени стоит помета «*из Олексина*»²⁹⁰. М. Бенцианов и А. Лобин определили его как некоего К. Н. Ярого Любученинова, не исключая ошибку писца, возможно, объединившего в этой записи двух человек²⁹¹. Мы полагаем, что в данной записи никакой ошибки нет, а в плен попал представитель рода смоленских бояр Юровых, еще совсем недавно служивших в ВКЛ. Смоленский боярин Ивашко Юров 24 февраля 1452 г. получил привилей на сельцо Мордвиново на Вехре²⁹². Видимо, его сын упомянут в реестре князей и бояр смоленских около 1492 г.: «*Юрова сын Юшъко*»²⁹³. Другой сын Ивашки, Никита (Митя), служил князю Федору Ивановичу Бельскому. «*Добрый человек*» Митя Иванов сын Юров был убит при набеге людей торопецкого наместника князя Семена Соколинского на новгородские владения князя Федора Бельского в 1488 г.²⁹⁴ Очевидно, что сыном Никиты (Мити) как раз и был «*алексинец*» Кондратий Никитин сын Юров. Пояснение «*Любочинин*», стоящее возле имени Кондратия Юрова, означает не фамилию, а происхождение из города Любутска, до 1503 г. входившего в состав ВКЛ. Пока неясно, имели ли родственное отношение дети боярские Любучениновы к роду Юровых, и данный вопрос требует дополнительного исследования.

Григорий Фомин сын Юдин. Упомянутый в летописном списке «*Гриша Фомин сын Юдин*», судя по помете «*из Торуску*» возле его имени, был торусским сыном боярским. Довольно редкое имя Юда (Иуда) позволяет сделать некоторые сопоставления. В «Книге данин» Казимира около 1443 г. упоминается пожалование некоему Иуде: «*Юде село, што был под нимъ Волчко подпирсил*». Волчко — упоминаемый в той же книге пожалований слуга пана Яна Довгирда²⁹⁵. Кроме того, в смоленском реестре служилых людей около 1492 г. числится панцирный слуга Мощинской волости Юда Нефедов с не названным по имени сыном²⁹⁶.

«Поиманные» по окраинным замкам (1515–1522 гг.)

Алексей Иванов сын Клеопин с сыновьями Василием и Нечаем. Под Опочкой в 1517 г. попал в плен Василий Алексеев сын Клеопин с сыновьями²⁹⁷. Эти дети боярские не принадлежали к роду Клеопиных-Кутузовых. На происхождение этого рода, похоже, указывает упоминание в Дворовой тетради дворового «литвина» из Медыни Горяина Михайлова сына Клеопина²⁹⁸.

Григорий Александров сын Тургенев. Также под Великими Луками в 1515 г. был пленен Григорий Тургенев, скончавшийся в Городно до сентября 1525 г. В известных родословных росписях Тургеньевых Григорий Александров сын не значится. В смоленском реестре около 1492 г. среди dospешных слуг Максимовского пути числились Олтух (Евтихий) и трое его сыновей: Иван, Игнат, Полуян²⁹⁹. Согласно подтвердительному листу великого князя Александра Сенку Тереховичу на два села в Смоленском повете, датированному 6 января 1497 г., Иван Тургенев с сыновьями Мартином, Каспаром и Степаном продал названному Сенку свою отчину — село Шустово³⁰⁰. По семейным преданиям, Тургеньевы происходили от выезжих татарских мурз, при этом две ветви этого рода в конце XVII века не считали себя однородцами. Однако реальным предком Тургеньевых был, по всей видимости, карачевский боярин Ивашко Тургень, которому около 1443 г. было пожаловано село в Еленской волости и 4 бобровника в Карачеве³⁰¹.

Борзда Игнатьев сын Белавин. См. выше — Беланов Василий Константинов сын.

Афанасий Скопа Булгаков сын Воеводин. Сын боярский Скопа Воеводин «*был поиман*» под Великими Луками в 1515 г. Судя по реестрам 1519 и 1525 г., он содержался в Городно, в реестре 1538 г. его имени нет. В писцовой книге Бежецкой пятины письма В.Г. Наумова и С.З. Дятлова упоминается новгородский сын боярский Булгак Воеводин с сыновьями Алексеем, Мордвинцом, Сычом, Совой и Скопой, за которыми было поместье в Богородицком Смердомельском и Михайловском погостах³⁰². Благодаря более позднему описанию поместных земель Воеводиных, становится известно христианское имя Скопы — Афанасий³⁰³. Родословная Воеводиных неизвестна, но для обоснования

версии их происхождения следует привести пару цитат из реестров «данин» в 4-й книге Литовской метрики: «Сокольнику пана воеводи-ну виленъского Мицьку 2 копе с корчомъ виленъскихъ»³⁰⁴; «Сокольнику пана воеводину Миколаю 20 бочокъ ржи в тивуна виленъского в Лынъ-квене»³⁰⁵. Судя по «птичьим» именам своих сыновей, Булгак Воеводин, скорее всего, был сокольником кого-то из литовских панов-воевод.

Лука Иванов сын Гаврилов Олтуфьев. Согласно реестру 1525 г., в Городно содержался «Лукаш Иванов сын Гаврылов», один из двух пленников, что «*пры короли посажоно, как король в Городне был*»³⁰⁶. По тексту не вполне ясно, был ли он пленником Оршанской битвы или числился среди «поиманных поokraинным замкам». Очень вероятно, что «Лукаш Гаврылов» был сыном Ивашки Гаврилова сына Олтуфьева, который вместе со своей многочисленной родней записан в реестре «Князи и бояре смоленские» среди мащинских (волости Мощин к северу от Мосальска) щитных слуг³⁰⁷. При переходе на московскую службу Олтуфьевы явно не прогадали, повысив свой социальный статус. В Дворовой тетради потомки щитных слуг Мощинской волости Олтуфьевы числились уже как «*литва дворовая*» по Костроме³⁰⁸.

Матвей Сахаров. Сын боярский Матвей Сахаров был взят в плен в 1515 г. у Великих Лук и содержался в Мельнике, где и умер до 20 октября 1538 г.³⁰⁹ Практически нет сомнений в том, что его близкие родственники упоминаются в смоленском реестре около 1492 г. среди панцирных слуг Юрьевского пути: «*Сахаровых тры сыны у поделе: Васько, Семенъко, Анъдреико; панъсырныи; а в Онъдрея два сыны*»³¹⁰. Вероятно, Матвей Сахаров и был одним из не названных по имени Андреевичей.

Иосиф Нестеров сын Кольчев. В известных списках родословной Кольчевых имя Иосифа Нестерова сына не упоминается. По всей видимости, он принадлежал не к роду потомков Андрея Кобылы, а к их однофамильцам из смоленской земли. Их предок, Кольч, упоминается в середине XV в. в «Книге данин Казимира» в числе смоленских бояр, получавших великокняжеские пожалования³¹¹. В реестре «Князи и бояре смоленские» читается: «*Тимофеи Кольчовъ. А другии братъ у служъбе*»³¹². Косвенным подтверждением происхождения Иосифа Нестерова сына из Кольчевых — «*смольнян*», служит помета «*бранец*», стоящая возле его имени в реестре из Литовской метрики 1538 г., также известно из источников о пожалованиях смоленским боярам в Брянской волости.

Матвей Жебентяев. В реестрах 1519 и 1525 г. этот пленник, содержащийся в Новогрудке, был записан как «*Матфей Жабоедов*». Однако в реестре 1538 г. его имя читается как «*Матфей Жебентяев*». Второй вариант видится более приемлемым, поскольку род детей боярских Жабоедовых в Московском государстве неизвестен. Заманчиво предположить, что предком Матвея мог быть Лисица Жебентяй, один из «*коморников*» Ягайло, задушивших в Кревском замке великого князя Кейстута в 1382 г.³¹³, но прямых доказательств этому, к сожалению, не имеется. В более позднее время упоминается еще один человек с такой же фамилией. В подтверждении 9 апреля 1494 г. великого князя Александра Богдану Сапежичу на его купли в Витебском повете упоминается один из продавцов — Василий Квасинин Жебентяев. Не исключено, что Матвей был его родственником. По данным реестра 1538 г., Матвей Жебентяев в это время имел в Литве жену и детей, жил у трокского воеводича Юрия Остиковича и, вероятно, служил ему.

Иван Рагозин. Под Мозырем был взят в плен тарусский сын боярский Иван Рагозин сын, содержащийся, согласно реестрам «*взяней*», в Новогрудке³¹⁴. Нет особых оснований предполагать его представителем литовского рода Рагозичей, Иван, скорее всего, был сыном Рагозы, мценского боярина, согласно реестру королевских пожалований 28 октября 1488 г. получившего право на получение 5 коп грошей с мыта и корчмы в Брянске³¹⁵. Мценск по договору 1503 г. перешел к Москве, поэтому служба сына мценского боярина великому князю Московскому в это время вполне обычное дело.

Иван Васильев сын Орлов. Под Мозырем попал в плен мезецкий сын боярский Иван Васильев сын Орлов, содержащийся в Новогрудке и отмеченный в реестрах 1519, 1525, 1538 гг.³¹⁶ Вероятно, тот же самый Иван Орлов был в числе детей боярских, сопровождавших московское посольство, отправившееся 7 мая 1503 г. в Литву³¹⁷. По семейному преданию Орловы считались выезжим из «*Польской Пруссии*» родом³¹⁸. Некоторые основания считать Орловых выехавшими из ВКЛ служилыми людьми дают сведения Литовской Метрики. В привилее с датой 18 июля 1506 г. князю И. Ф. Полубенскому на путных и тяглых «*людей*» в числе прочих упоминается и путный слуга Орлович³¹⁹. В недатированной судебной справе около 1514 г. говорится о Сенюте Орловиче, служившем пану Александру Ходкевичу и имевшему двор

в Добромышле³²⁰. Выезд на московскую службу позволил потомкам литовских путных слуг значительно поднять свой социальный статус. В Дворовой тетради 50-х годов XVI в. Орловы записаны уже дворовыми детьми боярскими по Дмитрову³²¹.

Алексей Иванов сын Дягилев. В реестрах 1519 и 1525 г. был отмечен «*Олексей Иванов сын Дякилева*», содержащийся в Новогрудке³²². До начачала XVI упоминаний служилых людей Дягилевых в источниках Северо-Восточной Руси неизвестно. Четверо братьев Дягилевых упомянуты среди щитных слуг Вержавского пути в реестре смоленских служилых людей из Литовской метрики: «*Тарась Дягилевъ, братъ его Иванъ, братъ их Олешъко, братъ ихъ Максимъ; вси чотыри в розделе, служба одна*»³²³. Взятый в плен в одной из стычек у одного из «*украинных замков*» сын боярский Алексей Дягилев, по всей видимости, был сыном Ивана, одного из братьев Дягилевых — вержавских путных слуг. В 1514/15 г. в продажной грамоте на земли в Солигаличской волости в качестве послуха выступает Семен Константинов сын Дягилев³²⁴. Полтора десятка помещиков Дягилевых упоминается в писцовых материалах по Твери середины XVI в.³²⁵, но проследить родственные связи всех вышеупомянутых детей боярских Дягилевых пока не представляется возможным.

Постник Семенов сын Юренив. Юренивых не было в числе дворянских родов, чьи представители подали свои родословные росписи в Палату родословных дел Разрядного приказа. По семейному преданию, зафиксированному в документах конца XVIII в., предком дворянского рода Юренивых был выехавший из Польши в 1355 г. (sic!) с тремя сыновьями некий Андреяш Юренивский, якобы служивший у короля Казимира Великого «*гусарским полковником*» (sic!). В России за Юренивыми было утверждено право на использование польского герба «Помян» с изображением воловьей головы, пронзенной насквозь мечом³²⁶.

О «достоверности» первых колен родословной росписи Юренивых достаточно красноречиво свидетельствует тот факт, что Ульмез Юренив, отец записанного в «Боярской Книге» 1556/57 года Степана Ульмезова сына, показан в росписи внуком Андреяша³²⁷. В документальных источниках Юренивы впервые упоминаются в конце XV в. среди новгородских помещиков. Согласно писцовой книге Бежецкой пятины письма В.Г. Наумова и С.З. Дятлова 1498/99 года, в волости Удомля

в Никольском погосте за Андреем, Некрасом и Васюком Юреневыми числилось поместье в совместном владении с Иваном Калачевым и Яковом Посоховым³²⁸. По данным платежной книги того же года, в Бежецкой же пятине, в Богородицком Плавском погосте 8 сох «*с третью*» земли было в поместье за Игнатом Юреным, «*луховитином*»³²⁹. Однако данного уточнения в платежной книге явно недостаточно, чтобы уверенно предполагать происхождение Юреневых из «коренных» землевладельцев Луховской волости, часть из которых были выведены в Новгород в связи с передачей г. Лух «с волостями» во владение служилому князю Ф.И. Бельскому. Например, помещики Поддубские, упоминаемые в этом же источнике как «*юрьевцы*», с большой степенью вероятности являются выходцами из ВКЛ, родственниками Олехна Поддубского, пожалованного в конце XV в. «*дворцом*» в Оршанской волости³³⁰. Имя Юрий в уменьшительной форме «*Юрень*», «*Юреня*», от которой происходит фамилия Юренев, в источниках XV в. нами не обнаружено. Наиболее близкая форма — «*Юренец*», находится в «Книге данин» великого князя Казимира в Литовской Метрике. Так звали слугу-«*конокормца*», около 1441 г. в числе прочих «*людей*», пожалованных боярину Васку Родионовичу³³¹.

Вне зависимости от того, был ли предком Юреневых литовский «*конокормец*» или какой-то другой «*Юрень*», мы не видим достаточных оснований отвергать семейное предание в части отнесения рода Юреневых к числу «*выезжих*» (видимо, из Литвы, а не из Польши, и лет на сто позже того времени, о котором говорит родовая легенда). В середине XVI в. некоторые из Юреневых достигли довольно высокого положения. Так, Ульмез Дмитриев сын Юренев с сыном Степаном записаны в Тысячной книге, как дворовые псковские помещики второй статьи из Владимирца³³². Как упоминалось выше, Степан Ульмезов сын был записан в «Боярскую книгу» 1556/57 г.³³³ Осенью 1564 г. он был воеводой в Новгороде³³⁴ (Нейгауз). По данным Г.Н. Юренева в 1534–1548 гг. игуменом Соловецкого монастыря был еще один представитель рода — Алексей Юренев³³⁵. К сожалению, установить родственные связи неменчинского пленника Постника Семенова сына Юренева пока не представляется возможным.

Иван Зеленый — «*Грыгорьев человек Фомина*». Содержавшийся согласно реестру 1525 г. в Линкмянах, Иван Зеленый служил

великолукскому наместнику и воеводе Григорию Фомичу Квашнину. Благодаря редкой фамилии, к тому же до конца XV в. не встречающейся в источниках Северо-Восточной Руси, можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что дворяне Зеленые происходили из служилых людей ВКЛ. В «Книге данин» великого князя Казимира в недатированной записи середины XV в. говорится: «*Васку Зеленому дано отчизна его Ратыловль*»³³⁶. Естественно, в пожаловании речь идет не о городе Рославль, а о сельце Ратиславичи, также на Смоленщине, которое в 1480-х гг. держал смоленский боярин Пашко Сидорович, возможно, родственник Зеленых³³⁷. На службе великого князя Московского бывшие «*смолянне*» Зеленые упоминаются как новгородские помещики. Согласно писцовой книге 1495/96 г. Родион Иванов сын Зеленого владел поместьем (49 обож земли) в Полишском погосте Деревской пятины³³⁸. В волости Лопастницы в Молвятицком погосте той же Деревской пятины помещиком (22 обжи земли) был Иван Иванов сын Зеленого, возможно, младший брат Родиона³³⁹.

Сыновья Ивана Зеленого Васюк, Ивашко Байда и Степан по данным более поздних описаний владели поместьями в Новгородской Деревской пятине и Торопецком уезде³⁴⁰. Интересно, что писцовая книга Деревской пятины 1538/39 г. фиксирует в Семеновском погосте поместные земли детей боярских Ратиславских (судя по всему, также «*смолянн*») — родичей или земляков Зеленых³⁴¹. Новгородские помещики Зеленые, по сути, были рядовыми служилыми людьми, однако сохранились сведения об одном представителе рода Зеленых, входившем в великокняжеский Двор. В жалованной кормленной грамоте великого князя Василия Ивановича Михаилу Никитину сыну Ознобишина на Дубенскую волость Вологодского уезда с датировкой 1505–1520 гг. упомянут и прежний волостель — Елка (Елизар) Зеленый³⁴². Других сведений о дворовом сыне боярском Елизаре Зеленом, впрочем, как и о слуге Г. Ф. Квашнина, к сожалению, не сохранилось.

Федец — слуга Михаила Совина. Взятый в плен (вероятно, в 1515 или 1517 г.) под одним из «*вкраинных замков*», некий Федец, служил представителю происходившего из Литвы видного дворянского рода Совиных³⁴³. 26 марта 1686 г. представителями рода Совиных в Палату родословных дел Разрядного приказа была подана родословная роспись, в которой было показано их происхождение от выехавшего

из Большой Орды татарского мурзы³⁴⁴. В росписи сказано: «Приехал из Большие Орды Изомшелан (*sic!*), да крестился Пафнутием Боровским Чюдотворцем, а во крещении имя ему Карп. У Карпа сын Иван Сова. У Ивана Сова дети: Тарх, да Григорей, да Прокофей, да Юрья...»³⁴⁵. В части выезда татарского мурзы непосредственно в Москву и крещения его Св. Пафнутием семейное предание, несомненно, носит легендарный характер: еще в 1480-х гг. потомки Карпа служили в Великом княжестве Литовском, а некоторые из них продолжали служить в Литве и позднее.

Судя по всему, родоначальником этой фамилии был Карп Мурзин сын, державший в середине XV в. имение Новоселье на Брянщине по пожалованию Великого князя литовского³⁴⁶ (в источнике его отчество ошибочно значится как «*Мерзин*»). По более раннему списку родословной Совиных, до крещения выезжего мурзу звали Узевшалан³⁴⁷, и, похоже, он действительно был крещеным татаринном.

У Карпа Мурзина по источникам прослеживаются сыновья Сова (в крещении Григорий³⁴⁸), Иван, и, возможно, Федор. Сова Карпов был родоначальником Совиных — самой значительной ветвью рода «*бранцов*» Карповых. Из посольских книг известно, что Сова Карпов был в числе «*королевых людей*», ведших хана Ахмата на Угру через земли ВКЛ летом 1480 г., как утверждали московские бояре на встрече с посольством императора Максимилиана в 1517 г.³⁴⁹ Сова упоминается еще в двух реестрах королевских пожалований Казимира: 23 ноября 1486 г. ему записали 2 копы грошей на корчмах в Берестье и рубль из винных пошлин; а 17 марта 1488 г. он получил право на доходы в сумме 4 коп грошей с минского мыта и 6 коп на корчмах в Маркове³⁵⁰. Подобные кормления были, как правило, привилегией «*королевых людей*», «*люди княженецкие*» получали лишь разовые подарки, вроде жеребенка, пожалованного боярину князя Дмитрия Воротынского Левше в 1486 году. Брат Сова Иван Карпович служил князьям Воротынским, как боярин князя Семена Федоровича он был упомянут в «отказной грамоте» князя Воротынского великому князю литовскому. Именно Ивана Карповича князь Семен Воротынский в 1492 г. посылал «*бить челом*» новому великому князю Литовскому, Александру Казимировичу. Интересно, что одной из «обид», нанесенных князю Семену Воротынскому и побудивших его к отъезду на Москву в 1492 г., было то, что новый

великий князь Александр не встретил надлежащим образом посланца князя, его боярина Ивана Карповича, по всей видимости, младшего брата Совы. Как писал сам князь: «...а боярина моего, господине, не жаловал, не читил, как отец твой наших бояр жаловал, читил»³⁵¹.

Сын Совы, Иван Совин также был слугой князя Семена Воротынского: его жену Анну с детьми в конце 1492 г. «поимал» вместе с другими людьми Семена Федоровича смоленский окольничий Иван Кошка³⁵². Степан «Савич», а также Гридя и Матвей «Совинины» упомянуты в реестре с датой 7 февраля 1496 г. в числе брянских бояр, получавших пожалования от великого князя Александра. В том же документе среди прочих записаны «бранцы» Иван Рябой и Булова³⁵³. В «выроке» от 19 февраля 1499 г. боярину брянскому Василии Шию на село Княжичи сказано, что брянские же бояре, Степан Сович и Иван Рябый «з брата-ничи» Буловою, Матвеем, Гридею оспаривали у упомянутого Василия Шию право на владение Княжичами³⁵⁴.

Сопоставление данных реестра 1496 г. с «выроком» 1499 г. позволяет сделать вывод, что в актах упоминаются два других сына Совы Карпова (Степан и Иван Рябой), а также три его внука (Булова, Матвей, Григорий, судя по всему, сыновья Ивана Старшего, служившего в это время в Москве). Иван Меньший Рябой после перехода Брянска к Москве отъехал в Литву, по дворянскому реестру 1514 г. выставлял 4-х одоспешенных всадников и получал 12 золотых жалованья³⁵⁵. В родословной Совиных у Ивана (Старшего) Совича (в росписи он ошибочно указан одним лицом со своим отцом) не показаны его сыновья Булова и Матвей, устанавливаемые по актовому материалу. Впрочем, не исключено, что разница обусловлена указанием источника в одном случае на семейное, а в другом — на крестильное имя одного и того же лица, то есть Булова мог быть крещен как Прокофий или Юрий (крестильным именем Тарха было Тимофей). Вероятно, к сыновьям Совы Карповича также можно отнести Михаила Совина (чей слуга Федец упоминается в реестрах «вязней московских» в Литве) и Андрея, отца Ивана Совина, дворового сына боярского из Муррома, также упоминаемого в Боярской книге 1556/57 г.³⁵⁶

В Московском государстве некоторые Совины служили князьям Воротынским. В Дворовой тетради Григорий Иванович с младшими сыновьями числится в дворовых из Воротынска, а его старшие

сыновья, Петр Большой и Семен — по Мезецку (Мещовску). Из Воротынска служил и сын Юрия Ивановича Тимофея Совин³⁵⁷. Сыновья Тарха (Тимофея) Ивановича Павел и Панкратий (или Прокофий) Акуловы-Совины записаны в дворовых по Мурому³⁵⁸.

Клим Суморок Михайлов сын Ногин. Клим Суморок Михайлов сын Ногина, его брат Ивашко Неклюд, а также Гридя Микитин сын и Яким Остафьев сын Ногины по писцовой (платежной) книге Деревской пятины Новгородской земли 1542/43 г. значились помещиками Михайловского погоста³⁵⁹. Полагаем, что Ногины так же, как и некоторые другие роды новгородских помещиков, были выходцами с земель Великого княжества Литовского. В реестре «Князи и бояре смоленские» в числе прочих значится «*Митько Нагинъ у Светъславли*»³⁶⁰. Не исключено, что здесь записан отец новгородского помещика Гриди Микитина сына Ногина, поскольку в те времена Митей или Митькой могли называть как Дмитрия, так и Никиту (Микиту).

Иван Борисов сын Ногишкин. Особых трудностей не представляет идентификация «*смольянина*» Ивана Ногишкина, умершего в плену в Швинтянах до сентября 1525 г.³⁶¹ Это был перешедший на московскую службу смоленский боярин. Иван Ногишкин упоминается в реестре королевских пожалований, датированном 27 марта 1486 г.: ему был дан жеребенок. «*Борисовъ сынъ Нагишъкина Ивашъко*» с сыном Олешкой также числится в реестре смоленских служилых людей около 1492 г.³⁶²

Логвин. В отличие от Ивана Ногишкина, его «товарища по несчастью», некоего Логвина (в реестре пленных записан, как «*Лосвин*») идентифицировать не так просто. А. Антонов и М. Кром даже отнесли его к числу простых людей («*мужиков*»), несмотря на то, что в списке умерших в Швинтянах пленников в реестре 1525 г. имя «*Лосвин*» стоит следом за именем другого «*смольянина*» — Ивана Ногишкина³⁶³. Несомненно, этого Логвина следует искать среди смоленских служилых людей ВКЛ. Имя Логвин в смоленском реестре встречается среди панцирных и щитных слуг Молоховского и Дубровенского пути, но для идентификации умершего в Швинтянах пленника этого совершенно недостаточно.

Никита Ильяшев. В списке «*взяней*», содержавшихся в «*другом дворе*» виленского тиуна, согласно реестру 1519 г., имя Никиты (Микиты)

Ильяшева записано рядом с именем смоленского боярина И. Б. Ногишкина. Род служилых людей Ильяшевых источникам Северо-Восточной Руси конца XV — середины XVI вв. неизвестен. С некоторыми оговорками полагаем возможным отождествить Никиту Ильяшева с сыном ошмянского боярина Ильяша Милошевича, который в 1499 г. вместе с братьями Михаилом и Яном продал свои отчинные земли Войтку Нарушевичу³⁶⁴.

Приведенные выше примеры показывают, что заметную часть московского войска, потерпевшего поражение в битве при Орше, составляли потомки недавних выходцев с земель великого княжества Литовского, либо лица, еще сравнительно небольшое время назад служившие в Литве. Кроме князей Булгаковых, нами сознательно не рассматривались потомки служилых людей, выехавших из ВКЛ в Северо-Восточную Русь в конце XIV — начале XV в., записанные в летописный «Патриарший список» и реестры из Литовской метрики: И. А. Яропкин, А. Н. Волинский, И. М. Бестужев, К. Дубенский, Ф. Е. Палицын, И. И. Волохов. Формат статьи не позволил охватить всех лиц, в отношении которых можно предполагать литовское или польское происхождение. Есть определенные основания полагать потомками выходцев из ВКЛ также М. И. Внукова, Ф. Я. Арбузова, А. Г. Бернова, Д. И. Боркова, С. С. Борисова, А. Милославского, Д. И. Рындина, И. Д. и И. А. Дементьевых, М. А. и Б. Г. Усовых, С. И. Мижужева, О. Г. Свинына, Н. С. Азарына, А. Артемова, И. И. Наумова, Т. М. Захарына, Д. И. и И. И. Стромиловых, К. Н. Басенкова, Д. В. Козичина, П. Г. и Ч. Ф. Забелиных, Г. Н. и Т. М. Мордвиновых, В. Лихачева, Н. Ю. Щербинина, К. Д. и Г. Д. Хлоповых, З. К. Тверитинова, Д. Ф. Тулубьева, Д. В. Связева, Я. Г. Кузьминского.

Приводя данные к виду статистики, получаем следующие цифры. Оршанских «вязней» можно насчитать до 227 человек. Из них к «литве» можно отнести 81 чел. К категории «вязней» по «украинным замкам» относятся 122 чел. Из них к «литве» можно отнести 28 чел. Также по 5–6 чел. в каждой категории можно под вопросом отнести к «литве». В итоге получается пусть и условная, но статистика о четверти или трети «литвы» среди «пленных московитов». Во многом это определено тем, что «литовские выходцы» имели большой процент присутствия в новгородской и муромской служилых корпорациях, являющихся

активными участниками Оршанской битвы (и в целом, начиная от этой битвы до Полоцкого похода 1518 г., война затрагивала в первую очередь «новгородские города»). При этом использованные данные не отражают участие в войне удельных войск северских и верховских князей, являющихся активными участниками крупнейших походов русских войск в эту войну — Смоленских походов 1512–1514 гг. и похода 1519 г.

Благодаря известной картине, показывающей Оршанскую битву, существует представление, что там сошлись «два разных мира» — «ориентальный» и «вестернизированный». Противники там подчеркнута различны, и на «москвитов» похожи только «литовские татары». Нет оснований считать, что на картине есть придуманные детали одежды или вооружения, но уже комплекс вооружения «москвитов» выглядит «обрезанным» по сравнению с данными документов³⁶⁵. А литовской конницы там и не изображено. Вместо нее там показаны балканские гусары-наёмники — «рацы» с характерной одеждой и вооружением. На деле, как мы видим, по обе стороны в значительной степени сражались не просто «люди близкой воинской культуры», но прямые родственники. И если московское войско действительно тогда широко использовало показанные на картине бехтерцы, то и командующий союзным войском К. Острожский, как и в битве под Вишневецом, был «w bechterze»³⁶⁶.

Помимо вопроса о взаимном влиянии на вооружение и тактику в Руси Литовской и Руси Московской, приведённые данные ставят вопросы о процессах формирования служилой конницы Русского государства. Расселение «литовских выходцев» от Немецкой Украины (Новгород) до Казанской Украины (Мурома) показывает взаимное влияние и внутри земель Русского государства через процесс сложных перемещений представителей воинских страт. В наиболее значительном процессе — формировании новгородской служилой корпорации — обращает на себя внимание тот факт, что на место выведенных новгородских бояр переселяются не безликие «коренные низовцы», «носители ориентализированной воинской традиции», а служилые люди, имеющие гораздо более разнообразные корни.

Ссылки

1. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (далее — Родословная Книга). — М., 1787. — Ч. 2.
2. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. — М., 1963.
 Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969.
 Зимин А. А. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году // Советские архивы. — 1970. — № 5. — С. 68–72.
 Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988.
 Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. — М., 1985.
 Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. — М., 2008.
3. Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. — М., 1986.
 Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. — М., 1996.
 Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв.: Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. — М., 2012.
4. Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Западно-русские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой половины XVI вв. — М., 2010.

5. Бенцианов М. М. «Литвины» и «паны». Выходцы из великого княжества Литовского на московской службе в XV–XVI столетиях // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб.* — 2019. — Вып. 12. — С. 86–125.
6. Модзалевский Б. Л. Род Раевских герба Лебедь. — СПб., 1908.
7. Лихачев Н. П. «Генеалогия» дворян Корсаковых. — СПб., 1913.
8. Пономарева И. Г. История одного выезда на московскую службу (о предках Чаадаевых) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* — 2005. — № 4. — С. 41–50.
9. Кабанов А. Ю. Заметки о дворянском роде Пивовых // *Археографический ежегодник за 2012 год.* — М., 2016. — С. 76–98.
Кабанов А. Ю. Дворяне Судимонтовы (Судимантовы) на московской службе // *Бурьинский альманах.* — 2016. — № 2 (6). — С. 4–9.
10. Маньков С. А. Дворянский род Ивашинцовых и его участие в жизни российского государства в XVI–XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата Исторических наук: 07.00.02 / Маньков Сергей Александрович; [Место защиты: ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет] — СПб., 2017.
11. Ерусалимский К. Ю. «Мы хотели их казнити...»: Русские эмигранты в Речи Посполитой // *Родина.* — 2004. — № 12. — С. 64–67.
Ерусалимский К. Ю. Потомки А. М. Курбского // *Ad fontem.* — М., 2005. — С. 350–376.
Ерусалимский К. Ю. Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой // *Отечественная история.* — 2006. — № 3. — С. 71–89.
Ерусалимский К. Ю. Московский боярич, литовский староста, королевский слуга: европейская карьера В. С. Заболоцкого // *Российская история.* — 2011. — № 4. — С. 88–102;
Ерусалимский К. Ю. Московско-литовская война 1562–1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики // *Российская история.* — № 1. — 2017. — С. 3–31.
Ерусалимский К. Ю. На службе короля и Речи Посполитой. — М.; СПб., 2018.
12. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М.; Л., 1949. — С. 252.
13. Десятни XVI века // *Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции.* — М.,

1891. — Кн. 8. — С. 27–28.
14. ПСРА. — СПб., 1907. — Т. 17. — Ст. 186–188.
15. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 149–196.
16. Мазуров А. Б. Семья великого князя Дмитрия Донского // Куликовская битва в истории России. — Тула, 2012. — Вып. 2. — С. 22.
17. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 31–32.
18. Там же. — С. 32–33.
19. Разрядная книга 1475–1598 гг. (далее — РК 1475–1598) — М., 1966. — С. 16, 25, 37, 44–47, 49, 50.
- Древняя Российская Вивлиофика (далее — ДРВ). — М., 1790. — Ч. 13. — С. 2.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 34.
20. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — СИРИО). — СПб., 1895. — Т. 95. — Ч. 2. — С. 96.
21. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством // СИРИО. — СПб., 1882. — Т. 35. — Ч. 1. — С. 654, 657.; Т. 59.
- Там же. — СПб., 1887. — Т. 59. — Ч. 2. — С. 355–359.
- РК 1475–1598. — С. 141.
22. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. — М., 1987. — С. 134.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 34.
23. Памятники истории русского служилого сословия (далее — ПИРСС). — М., 2011. — С. 176.
24. ДРВ. — Ч. 13. — С. 2.
25. Разрядная книга 1475–1605 гг. (далее — РК 1475–1605) — М., 1977. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 142.
26. СИРИО. — Т. 35. — С. 654, 657.
27. РК 1475–1605. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 332.
28. ПИРСС. — С. 30.

29. Флоря Б. Н. Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. — М., 1978.
Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — С. 116.
30. Lietuvos Metrika (далее — LM). Knyga Nr. 3 (1440–1498) — Vilnius, 1998. — P. 28.
31. Флоря Б. Н. Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. — М., 1978. — С. 188.
LM. — Кн. 5. (1427–1506) — Vilnius, 2012. — P. 65. № 245.
32. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 153. № 16.6.
33. ДРВ. — Ч. 13. — С. 2.
34. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 116.
35. Верея, Волоколамск, Дмитров и Звенигород // Шумаков С. А. Обзор «Грамот коллегии экономии». — М., 1912. — Вып. 3. — С. 6. № 17.
36. Там же. — С. 32. № 119.
37. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее — ДДГ) — М.; Л., 1950. — С. 404. № 96.
38. Там же. — С. 392–393. № 95.
39. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — P. 22.
40. Там же. — P. 27, 52.
41. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. — М., 2015. — Т. 2. — С. 87.
42. СИРИО. — Т. 35. — С. 164.
43. ДРВ. — Ч. 13. — С. 4.
44. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией // СИРИО. — СПб., 1884. — Т. 41. — Ч. 1. — С. 301, 351, 353, 358, 361, 405.
45. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. (далее — ТКДТ) — М., 1950. — С. 66, 102, 131.
46. Временник общества истории и древностей российских (далее — ВОИДР). — М., 1851. — Кн. 11. — С. 79–83.
47. Бенцианов М. М., Лобин А. Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2013. — № 2 (Июль-декабрь). — С. 167. прим. 50.
48. Руммель, Голубцов. Т. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. — СПб., 1886. — Т. I. — С. 424–439.

49. ПСРА. — Т. 17. — Ст. 186.
Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 181.
50. Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи. — СПб., 1890. — Ч. I. — С. 201–202.
51. Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. — СПб., 2011. — С. 142–143.
52. ПСРА. — М., 2001. — Т. 8. — С. 114.
53. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков (далее — АФЗХ). — М., 1951. — Ч. 1. — С. 201. (Акты №№ 227, 228).
54. Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ) — М., 1952. — Т. 1. Акты Троице-Сергиева монастыря и приписных к нему обитателей. — С. 620.
55. Там же.
56. АСЭИ. — М., 1964. — Т. 3. Акты мелких владельцев. — С. 267. (№ 249).
57. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. — Махачкала, 1995. — С. 31–32.
58. ДРВ. — Ч. 13. — С. 3.
59. СИРИО. — Т. 41. — С. 372–377, 381, 387, 388, 390, 416–422, 430.
СИРИО. — Т. 95. — С. 372–376.
60. АСЭИ. — Т. 3. — С. 120. № 88. — С. 125. № 92.
61. ПСРА. — Т. 13. — М., 2000. — С. 4.
62. АСЭИ. — Т. 1. — С. 290–291. № 398. — С. 620.
63. Акты русского государства, 1505–1526 гг. (далее — АРГ) — М., 1975. — С. 25. № 16. Прим. к № 2. — С. 302.
64. АСЭИ. — Т. 1. — С. 620.
65. ТКДТ. — С. 157.
66. ЛМ. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 64.
67. Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. — Вып. 1: Духовные и сговорные грамоты. Вып. 2: Грамоты правые. — СПб., 1895. — С. 11, 20.
68. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 174, 183.
69. РК 1475–1598. — С. 26.

70. Литовская Метрика. Книга Судных дел. Русская историческая библиотека. (далее — РИБ) — СПб., 1903. — Т. XX. — Кн. 2. — Ст. 788–789. № 168.
71. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 183.
72. Родословная Книга. — Ч. II. — С. 204.
73. Лихачев Н. П. Государев родословец и род Адашевых. — СПб., 1897. — С. 46–47.
74. LM. — Кн. 5. (1427–1506) — Vilnius, 2012. — P. 367–368. № 550.
75. ДДГ. — С. 346. № 86.
76. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 161. № 141.15.
77. Бенцианов М. М., Лобин А. Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2013. — № 2 (Июль-декабрь). — С. 161.
78. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 78. № 23.2.
79. LM. — Кн. 6. (1494–1506) — Vilnius, 2007. — P. 186. № 283.
80. СИРИО. — Т. 35. — С. 491.
81. ТКДТ. — С. 78, 190.
82. ПСРА. — Т. 17. — Ст. 76, 89, 147, 160, 196, 212, 225, 269, 321, 383, 446, 506, 581.
83. Пятраўскас Р. Літоўская знаць у канцы XIV — XV ст. Склад — структура — улада. — Смаленск, 2014. — С. 259–261.
84. LM. — Кн. 6. (1494–1506) — Vilnius, 2007. — P. 251. № 411.
85. Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. — М., 2014. — Т. 1. — С. 305–312.
86. LM. — Кн. 6. (1494–1506) — Vilnius, 2007. — P. 167. № 243. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. — М., 2015. — Т. 1. — С. 421. № 273.
87. Зимин А. А. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году // Советские архивы. — 1970. — № 5. — С. 73.
88. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 188.
89. ПСРА. — Т. 17. — Ст. 187.

90. СИРИО. — Т. 35. — С. 164.
91. АСЭИ. — Т. 1. — С. 460. № 581.
92. Гневушев А. М. Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504–1505 гг. — Киев, 1908. — С. 52–59, 61–66.
93. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 16–17.
94. АСЭИ. — Т. 1. — С. 154. № 219.
95. ПИРСС. — С. 194.
96. АСЭИ. — Т. 1. — С. 542. № 629.
97. Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. // Писцовые книги Новгородской земли (далее — ПКНЗ). — М., 2004. — Т. 4. — С. 391. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 188.
98. LM. — 3. Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — P. 42.
99. Бенцианов М. М., Лобин А. Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2013. — № 2 (Июль-декабрь). — С. 171.
100. Переписные оброчные книги Шелонской пятины: I. 1498 г., II. 1539 г., III. 1552–1553 гг. (далее — НПК) // Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. — СПб., 1886. — Т. 4. — Ст. 65, 68, 266–268.
101. Там же. — Ст. 271–272.
102. Там же. — Ст. 186, 198.
103. Там же. — Ст. 292–297.
104. Там же. — Ст. 292.
105. Там же. — Ст. 305–309.
106. Там же. — Ст. 301.
107. Писцовые книги Московского государства. Часть 1. Писцовые книги XVI века (далее — ПКМГ). Отд. 2. Местности губерний: Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. — СПб., 1877. — С. 43, 85; видимо, он же Олехно Лазарев.
108. Там же. — С. 43, 77, 279.
109. Там же. — С. 58, 202.
110. ДДГ. — С. 404. № 96.
111. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 39. № 1.8.

- ¹¹². Там же. — Р. 39. № 1.9.
- ¹¹³. Там же. — Р. 66. № 16.6.
- ¹¹⁴. Там же. — Р. 154. № 141.1.
- ¹¹⁵. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 170, 183.
- ¹¹⁶. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 71. № 18.2.
- ¹¹⁷. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 45.
- ¹¹⁸. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 39. № 1.9.
- ¹¹⁹. Там же. — Р. 160. № 141.1.
- ¹²⁰. ТКДТ. — С. 153.
- ¹²¹. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 159, 168.
- ¹²². Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. // ПКНЗ. — СПб., 1999. — Т. 2. — С. 143.
- ¹²³. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 39. № 1.9.
- ¹²⁴. ПКНЗ. — Т. 2. — С. 145.
- ¹²⁵. АРГ. — С. 20. № 10.
- ¹²⁶. Антонов А. В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленые грамоты XV — середины XVI века // Русский дипломатарий. — М., 1998. — Вып. 3. — С. 136.
- ¹²⁷. АРГ. — С. 18. № 10.
- ¹²⁸. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 156. № 141.3.
- ¹²⁹. Там же. — Р. 156. № 141.3.
АСЭИ. — Т. 1. — С. 326. № 437.
- ¹³⁰. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 153. № 141.1; Р. 161. № 141.14.
АСЭИ. — Т. 1. — С. 326. № 437.
Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 130.
- ¹³¹. ПИРСС. — С. 121.
Лихачев Н. П. Государев родословец и род Адашевых. — СПб., 1897. — С. 37.
- ¹³². LM. — Кн. 6. (1494–1506) — Vilnius, 2007. — Р. 116. № 127.

133. LM. — Кн. 5. (1427–1506) — Vilnius, 2012. — P. 130. № 210.
134. ПКНЗ. — Т. 4. — С. 364.
135. Там же. — С. 344, 407.
136. Книги Шелонской пятины: I. Около 1498 г., II. 1498 г., III. 1499–1551 гг., IV. 1571 г., V. 1576 г. // НПК. — СПб., 1905. — Т. 5. — Ст. 46, 193, 194, 221.
137. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 162. № 141.19.
138. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 177.
139. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — P. 36.
140. Книги Вотской пятины, 1500 года. 1 половина // Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. — СПб., 1868. — Т. 3. — Ст. 497, 500, 559, 560, 564, 744, 748.
141. Там же. — Ст. 756, 766, 776, 781, 784, 788, 791, 792, 796.
142. ТКДТ. — С. 85.
143. РК 1475–1598. — С. 181, 184, 191, 226, 269, 270, 291, 300.
РК 1475–1605. — М., 1981. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 216; Т. 2. Ч. 2. — С. 327, 378, 400.
РК 1475–1605. — М., 1984. — Т. 3. Ч. 1. — С. 42.
Антонов А. В. Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 177.
144. СИРИО. — Т. 35. — С. 495, 497.
Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. — М., 1891. — Кн. 21. — С. 100–102.
145. Бенцианов М. М., Лобин А. Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2013. — № 2 (Июль-декабрь). — С. 161.
146. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: Первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. — М.; Варшава, 2002. — Т. 6. — С. 71.
147. ПСРА. — Т. 8. — С. 239.
148. ТКДТ. — С. 92, 130, 175, 197–198.
149. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — P. 34.
150. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой

- половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 159, 168, 172, 184.
151. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. — СПб., 1887. — Т. II. — С. 115.
152. ПКМГ. — Отд. 2. — С. 129, 131, 188, 189.
153. ПКНЗ. — Т. 4. — С. 482.
154. LM. — Кн. 6. (1494–1506) — Vilnius, 2007. — P. 228. № 352.
155. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 1 половина // Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. — СПб., 1859. — Т. 1. — С. 291.
156. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — P. 46.
157. Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. (Выпись из писцовых книг г. Муром 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г.) // Археографический ежегодник за 1967 год. — М. 1969. — С. 298, 314.
158. Михайловський В. Еластична спільнота: Подільська шляхта в другій половині XIV — 70-х роках XVI ст. — Киев, 2012. — С. 42.
159. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 125. № 99; P. 134. № 117.
160. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (далее — Родословная Книга). — М., 1787. — Ч. 2. — С. 325.
161. Синбирский сборник. — М., 1844. — Ч. 1. — Разд. 2. — С. 3.
162. СИРИО. — Т. 35. — С. 157.
163. Там же. — С. 487, 732.
164. ТКДТ. — С. 78, 189.
165. Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года (далее — Боярская Книга) // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 114, 115.
166. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — P. 67, 68.
167. Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. — М., 1996. — Вып. 6. — С. 151–152.
168. Зерцалов А. Н. Новые данные о Земском соборе 1648/49 г. — М., 1887. — С. 69.
169. LM. — Кн. 6. (1494–1506) — Vilnius, 2007. — P. 184. № 277.
170. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — P. 45.
171. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 161, № 141.16.
172. Антонов А. В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленые грамоты XV — середины XVI века // Русский дипломатарий. —

- М., 1998. — Вып. 3. — С. 150.
173. АРГ. — С. 96. № 92.
174. СИРИО. — Т. 95. — С. 209, 222.
175. АРГ. — С. 136. № 140.
176. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. — М., 1987. — С. 49.
177. АРГ. — С. 193–197. № 194.
178. Там же. — С. 257. № 254.
179. ЛМ. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 33.
180. Там же. — Р. 37.
- ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 39, 40. № 1.9; Р. 154. № 141.1.
181. СИРИО. — Т. 41. — С. 132.
182. <https://docplayer.ru/29244913-Vypiski-iz-arhivnyh-dokumentov-romestnyu-prikaz-f-1209.html>
183. ЛМ. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 37.
184. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 154, 157, 164, 175.
185. Бенцианов М. М., Лобин А. Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2013. — № 2 (Июль-декабрь). — С. 157.
186. ДРВ. — Ч. 13. — С. 3.
187. АРГ. — С. 34. № 28.
188. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. — Махачкала, 1995. — С. 199.
189. СИРИО. — Т. 59. — С. 131–143.
190. ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 88. № 23.16.
191. Там же. — Р. 153. № 141.1.
192. Там же. — Р. 157. № 141.6.
193. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 2 половина // Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. — СПб., 1862. — Т. 2. — Ст. 679–682.
194. Там же. — Ст. 517–522, 582–584.
195. Там же. — Т. II. — Ст. 573–577.
196. ЛМ. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 25.
197. ДРВ. — Ч. 13. — С. 4; в списке ошибочно значится «Бурец Пикин».

198. НПК. — Т. 1. — Стб. 56–60.
199. Там же. — Стб. 61–62.
200. ПКНЗ. — Т. 4. — С. 512.
201. Там же. — С. 347, 499.
202. НПК. — Т. 1. — Ст. 78–84.
203. Там же. — Ст. 230–233.
204. НПК. — Т. 2. — Ст. 523–528.
205. ТКДТ. — С. 87.
206. Родословная Книга. — С. 197, 200.
Лихачев Н.П. Государев родословец и род Адашевых. — СПб., 1897. — С. 45–46.
207. Литовская Метрика. Книга Судных дел. Русская историческая библиотека. — СПб., 1903. — Т. 20. — Кн. 1. — Ст. 83. № 65.
208. НПК. — Т. 1. — Стб. 220, 335.
ПКНЗ. — Т. 4. — С. 364, 365, 372, 431.
LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 50. № 13.3; Кн. 6. — P. 231. № 3; — P. 350. № 617.
209. Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 159, 167, 173, 189.
210. Зимин А.А. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII вв. // Труды Московского историко-архивного института. — Т. 17. Вопросы источниковедения истории СССР. — С. 416–418.
211. ВОИДР. — Кн. 11. — С. 421.
212. ТКДТ. — С. 83.
213. Антонов А.В. Костромские монастыри в документах XVI– начала XVII века // Русский дипломатарий. — М., 2001. — Вып. 7. — С. 55.
214. РК 1475–1598. — С. 72, 92, 100, 102, 106.
215. ТКДТ. — С. 151.
216. LM. — Кн. 6. (1494–1506) — Vilnius, 2007. — P. 278–279. № 473.
217. Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 173, 183.
218. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Западно-русские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой половины

- XVI вв. — М., 2010. — С. 240, 241, 275.
219. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 153. № 141.1.
220. Там же. — Р. 157. № 141.7.
221. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 176.
222. Там же. — С. 156, 166, 172.
223. АСЭИ. — М., 1958. — Т. 2. Акты монастырей Кириллова, Ферапонтова, Московского Симонова, Суздальского Спасо-Евфимиева. — С. 462. № 422.
224. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 46.
225. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 172, 177.
226. НПК. — Т. 1. — Ст. 534–538.
227. Там же. — Ст. 541–548.
228. ПСРА. — Т. 13. — С. 301.
- Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. — СПб., 1886. — Т. I. — С. 35–36.
229. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 30.
230. АСЭИ. — Т. 1. — С. 327. № 437.
231. LM. — Кн. 6. (1494–1506) — Vilnius, 2007. — Р. 351. № 536.
232. Там же. — Р. 316–317. № 617.
233. НПК. — Т. 3. — Ст. 56, 59, 61–64.
234. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 163, 184.
235. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 163, № 141.21.
236. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в. Провинциальное служилое дворянство // Российская генеалогия. Исторический альманах. — М., 2020. — Вып. 7. — С. 297.
237. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 47.
238. ПСРА. — Т. 17. — Ст. 187.
- Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 191. Авторы не смогли отождествить этого сына боярского.

- 239.Родословная Книга. — Ч. 2. — С. 351.
Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи. — СПб., 1890. — Ч. I. — С. 399.
- 240.ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 153, № 141.1.
- 241.ЛМ. — Кн. 5. (1427–1506) — Vilnius, 2012. — P. 100–101. № 155.
- 242.ТКДТ. — С. 174.
- 243.Бенцианов М. М., Лобин А. Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2013. — № 2 (Июль-декабрь). — С. 167.
- 244.ЛМ. — Кн. 6. (1494–1506) — Vilnius, 2007. — P. 308. № 523.
- 245.ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 152. № 141.1.
- 246.АФЗХ. — М., 1956. — Ч. 2. — С. 59. № 59.
- 247.Там же. — С. 82. № 85.
- 248.Там же. — С. 204–207. №№ 204–206.
- 249.Там же. — С. 365. № 347.
- 250.ПКНЗ. — Т. 4. — С. 490.
- 251.ТКДТ. — С. 207; возле его имени помета «Умре, сказал Шемат Пашков».
- 252.ТКДТ. — С. 144.
- 253.Там же. — С. 224.
- 254.Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // *Архив русской истории*. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 172. 187.
- 255.Бенцианов М. М., Лобин А. Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2013. — № 2 (Июль-декабрь). — С. 157.
- 256.ПСРА. — Л., 1925. — Т. IV. — Вып. 2. — С. 462.
- 257.ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 154. № 141.1.
- 258.Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е гг.). — СПб., 2004. — С. 169.
- 259.Кобрин В. Б. *Опричнина. Генеалогия. Антропонимика*. — М., 2008. — С. 48.
- 260.Родословная Книга. — Ч. 2. — С. 339.
- 261.ЛМ. — Кн. 6. (1494–1506) — Vilnius, 2007. — P. 209. № 321.
- 262.ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 27. № 1.1; P. 56. № 16.4.
- 263.Корзинин А. А. Состав Боярской думы и дворцовых чинов в правле-

- ние великого князя Ивана III. Ч. 2. Дворцовые чины // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. — СПб., 2018. — Вып. 9. — С. 288–289.
264. Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века. — СПб., 2003. — С. 67–68.
265. Бенцианов М. М., Лобин А. Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2013. — № 2 (Июль-декабрь). — С. 166.
266. ЛМ. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 56, 65.
267. ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 88. № 23.16; Р. 155. № 141.2.
268. ЛМ. — Кн. 6. (1494–1506) — Vilnius, 2007. — Р. 228. № 352.
269. НПК. — Т. 3. — Ст. 7–18.
270. ЛМ. — Кн. 8. (1499–1514) — Vilnius, 1995. — Р. 312. Р. 415.
271. ПСРА. — Т. 17. — Ст. 187.
272. ЛМ. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 83; в источнике читается как «Баховев», верное написание см. ЛМ. — Кн. 6. — Р. 155. № 218.
273. ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 155, № 141.1.
274. Там же. — Р. 154, № 141.1, в источнике ошибочно записан как «Евсигапъ».
275. ПСРА. — Т. 17. — Ст. 187.
276. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // *Архив русской истории*. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 160, 166.
277. Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // *Исследования по русской истории*. — М., 1996. — Вып. 6. — С. 316.
Родословная Книга. — Ч. 2. — С. 357.
278. ЛМ. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 117–118. № 191.
279. Там же. — Р. 45, 46.
280. ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 87, № 23.15.
281. ПКМГ. — Отд. 2. — С. 1302, 1366, 1378, 1379.
ПИРСС. — С. 210.
282. Бенцианов М. М., Лобин А. Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2013. — № 2 (Июль-декабрь). — С. 172.
ТКДТ. — С. 207.

283. Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. — М., 1985. — С. 124.
284. Бенцианов М. М., Лобин А. Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2013. — № 2 (Июль-декабрь). — С. 167.
285. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — P. 63.
286. Пономарева И. Г. История одного выезда на московскую службу (о предках Чаадаевых) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. — 2005. — № 4. — С. 41.
287. СИРИО. — Т. 41. — С. 434, 441.
288. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 35. № 1.7; P. 40. № 1.9; P. 58. № 16.4.
289. LM. — Кн. 5. (1427–1506) — Vilnius, 2012. — P. 60–61. № 58.
290. ПСРА. — Т. 17. — Ст. 187.
291. Бенцианов М. М., Лобин А. Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2013. — № 2 (Июль-декабрь). — С. 172.
292. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — P. 40.
293. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 153. № 141.1.
294. СИРИО. — Т. 35. — С. 21.
295. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — P. 30, 56.
296. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 160. № 141.12.
297. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // *Архив русской истории*. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 181.
298. ТКДТ. — С. 207.
299. LM. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — P. 162. № 141.18.
300. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — P. 83. № 34.
LM. — Кн. 6. (1494–1506) — Vilnius, 2007. — P. 155. № 218.
301. LM. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — P. 45. В источнике записан как «Турпень».
302. Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. // ПКНЗ. — М., 1999. — Т. 1. — С. 220.
303. Писцовые книги Бежецкой пятины XVI в. // ПКНЗ. — М., 2001. — Т. 3. — С. 8.

- ³⁰⁴ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 52. № 13.3.
- ³⁰⁵Там же. — Р. 75. № 18.3.
- ³⁰⁶Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 166.
- ³⁰⁷ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 160. № 141.13.
- ³⁰⁸ТКДТ. — С. 150–151.
- ³⁰⁹Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 159, 167, 173, 188.
- ³¹⁰ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 159. № 141.9.
- ³¹¹ЛМ. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 33.
- ³¹²ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 155. № 141.1.
- ³¹³ПСРА. — Т. 17. — Ст. 76, 89, 147, 160, 197, 225, 269, 321, 383, 446, 508, 581.
- ³¹⁴Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 187.
- ³¹⁵ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 79. № 23.2.
- ³¹⁶Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 185.
- ³¹⁷СИРИО. — Т. 35. — С. 413, 428.
- ³¹⁸Родословная Книга. — Ч. 2. — С. 357.
- ³¹⁹ЛМ. — Кн. 5. (1427–1506) — Vilnius, 2012. — Р. 384. № 568.
- ³²⁰РИБ. — Т. XX. — Кн. 2 — Ст. 824. № 186.
- ³²¹ТКДТ. — С. 130.
- ³²²Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 179.
- ³²³ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 157. № 141.7.
- ³²⁴АРГ. — С. 116–117. № 116.
- ³²⁵ПКМГ. — Отд. 2. — С. 168, 169, 172, 207, 251.
- ³²⁶Юренив Г. Н. Род Юренивых: генеалогическая роспись с XIV по XX столетие: историко-биографические сведения по архивным документам. — СПб., 1903. — С. 3, 13, 14.

- ³²⁷Боярская Книга. — С. 94.
Юренев Г.Н. Род Юреневых: генеалогическая роспись с XIV по XX столетие: историко-биографические сведения по архивным документам. — СПб., 1903. — С. 3, 16.
- ³²⁸ПКНЗ. — Т. 1. — С. 162.
- ³²⁹Там же. — С. 234.
- ³³⁰Там же. — С. 225.
ЛМ. — Кн. 6. — Р. 228, № 352.
- ³³¹ЛМ. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 25.
- ³³²ТКДТ. — С. 98.
- ³³³Боярская Книга. — С. 94.
Юренев Г.Н. Род Юреневых: генеалогическая роспись с XIV по XX столетие: историко-биографические сведения по архивным документам. — СПб., 1903. — С. 28, 29.
- ³³⁴РК 1475–1598. — С. 213.
Юренев Г.Н. Род Юреневых: генеалогическая роспись с XIV по XX столетие: историко-биографические сведения по архивным документам. — СПб., 1903. — С. 30–31.
- ³³⁵Юренев Г.Н. Род Юреневых: генеалогическая роспись с XIV по XX столетие: историко-биографические сведения по архивным документам. — СПб., 1903. — С. 16–28.
- ³³⁶ЛМ. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 42.
- ³³⁷ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 154. № 141.1.
- ³³⁸НПК. — Т. II. — Ст. 248–254.
- ³³⁹Там же. — Ст. 803–806.
- ³⁴⁰ПКНЗ. — Т.4. — С. 499, 509, 513, 597, 610–611, 619–621, 674, 675, 679–681.
- ³⁴¹Там же. — С. 180–182, 188–189.
- ³⁴²АСЭИ. — Т. 3. — С. 149. № 113.
Антонов А.В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленые грамоты XV — середины XVI века // Русский дипломатарий. — М., 1998. — Вып. 3. — С. 137.
- ³⁴³Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 193.
- ³⁴⁴Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. — М., 1996. — С. 300.
Родословная Книга. — Ч. 2. — С. 378.
- ³⁴⁵Мятлев Н.В. Родословные заметки // Летопись Историко-родослов-

- ного общества. — М., 1911. — Вып. 1–2 (25–26). — С. 6.
- ³⁴⁶ЛМ. — Кн. 3. (1440–1498) — Vilnius, 1998. — Р. 42.
- ³⁴⁷ПИРСС. — С. 146. Возможно, искаженное Юсуф Шалан.
- ³⁴⁸Христианское имя Софы Карпова устанавливается по подтверждению 1524 г. дворянину Ярославу Борисовичу на имения, записанные ему его тестем, боярином Степаном Григорьевичем Совиным, запись о котором сохранилась в 12-й Книге записей Литовской метрики.
- ³⁴⁹СИРИО. — Т. 35. — С. 518.
- ³⁵⁰ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 30. № 1.3; Р. 58. № 16.4.
- ³⁵¹СИРИО. — Т. 35. — С. 84.
- ³⁵²Там же. — С. 81.
- ³⁵³ЛМ. — Кн. 6. (1494–1506) — Vilnius, 2007. — Р. 348. № 608.
- ³⁵⁴ЛМ. — Кн. 5. (1427–1506) — Vilnius, 2012. — Р. 121. № 199.
- ³⁵⁵Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: Первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. — М.; Варшава, 2002. — Т. 6. — С. 31.
- ³⁵⁶ТКДТ. — С. 157.
- Боярская книга. — С. 107.
- ³⁵⁷ТКДТ. — С. 73, 172.
- ³⁵⁸Там же. — С. 157.
- ³⁵⁹ПКНЗ. — Т. 4. — С. 357–359.
- ³⁶⁰ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 154. № 141.1.
- ³⁶¹Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 161, 165, 184.
- ³⁶²ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 38. № 1.7; Р. 153. № 141.1.
- ³⁶³Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 165, 196.
- ³⁶⁴ЛМ. — Кн. 4. (1479–1491) — Vilnius, 2004. — Р. 214–215. № 329.
- ³⁶⁵Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. и документальные источники [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VII. — С. 392–460. <http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1> (03.02.2016).
- ³⁶⁶Maciej Strykowski. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. — Warszawa, 1846. — Т. II. — Р. 367, 381.